

В. Амосов

На пороге
жизни

432194

Вологодское
книжное
издательство
1961

В. В. Амосов родился в 1932 году в деревне Команево Велико-Устюгского района Вологодской области в семье крестьянина. Работал заведующим сельской избей-читальней, инструктором райкома и горкома комсомола. С 1957 года — редактор многотиражной газеты «Северный текстильщик» в Красавине. Член КПСС.

Первые рассказы Валентина Амосова печатались на страницах газет, затем — в альманахе «Литературная Вологда». Вскоре их автор был принят на заочное отделение Литературного института им. Горького. Сейчас В. Амосов учится на последнем курсе этого института. «На пороге жизни» — его первая книжка. В ней рассказывается о сельских комсомольцах, о том, как друзья помогли непутевому парню Тольке Коноплеву и какую роль сыграла в этом чистая девичья любовь.

Амосов Валентин Васильевич
«НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ»

Редактор *В. К. Пудожгорский*

Художник *О. А. Бороздин*

Художественный редактор *П. Ф. Макарон*

Технический редактор *С. И. Соколова*

Корректор *О. И. Шорохова*

ГЕ02379.

Подписано к печати 22. 8. 61 г.

Бумага 84 × 108¹/₃₂.

1,375 б. л., 4,51 п. л., 4,83 уч.-изд. л.

Заказ 2643.

Тираж 10000.

Цена 15 коп.

Изд. № 94.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Танцы в клубе в самом разгаре. Через распахнутые окна в полумрак майского вечера льется яркий свет. Тишину уснувшей Анисимовки будит Витькин баян, который вот уже полчаса настойчиво «режет» краковяк. Из темноты, к освещенному окну вышли двое парней. Один, невысокий, кряжистый, в распахнутой белой рубашке, бросил злобный взгляд в раскрытое окно:

— Видал? Танцульками забавляются! Аркашка — за мной!

И, дернув за руку своего товарища, двадцатилетнего подростка, парень в расстегнутой рубашке, пошатываясь, направился к крыльцу.

С шумом открыв двери, Толька с Аркашкой ворвались в круг танцующих.

— И-эх, кто бы нас задел, мы того задели бы!.. — рыкнул Толька, пьяно поводя глазами.

Стало тихо. Быстро пустела середина.

Нервно покусывая губы, к ним подошел совсем юный паренек в голубой тенниске. Паренек был невысок, но строен и ладен. В упор смотря на Тольку, он проговорил:

— Ну-ка, поворачивай оглобли!

Толька смерил взглядом невесть откуда вывернувшегося юнца и, широко размахнувшись, ударил его по лицу. Тот покачнулся, но устоял и как-то неожиданно для всех, не размахиваясь, дал ответный удар, да такой

сильный, что Толька отлетел на несколько метров и угодил в объятия своего друга Аркашки, собиравшегося уже ввязаться в драку.

— Ого! Борька-то Каштанов как его саданул! — послышалось из угла чье-то восхищение.

— Вон отсюда! — бледный и взъерошенный крикнул Каштанов, показывая на дверь. Скрипнула скамейка, кто-то испуганно ахнул.

— Толик, ч-чего ты с ним дурака валяешь? — зажаявшись, протянул Аркашка. — Дай ему...

Толька отступил на полшага, и едва отвел руку для нового удара, как Каштанов снова налетел на него. Толька попятился. Так они дошли до двери. Ребята двинулись вслед за ними, и Толька, не выдержав напора, юркнул в дверь, а за ним и Аркашка...

Из клуба расходились за полночь. Каштанов шел один, не вступая ни с кем в разговор — хотелось побывать наедине со своими мыслями, но они беспорядочно кружились в голове, и ему не удавалось на чем-либо остановиться.

Поравнявшись с колодцем, он долго пил из бадьи, потом намочил лоб.

Метрах в десяти впереди его шла группа девушек. Каштанов прислушался к их разговору.

— Толька этого так не оставит. Они еще встретятся...

— Замолчи ты со своим Толькой!

— А что замолчи? По крайней мере парень!

Это говорила Анюта, быстроглазая девчонка с завитушками на лбу.

— Парень... Лучше бы он не приезжал сюда вовсе.

Каштанов узнал по голосу учительницу Веру.

— А все-таки, девочки, он мне очень нравится, — восхищенно проговорила Анюта. — Весь по моему характеру. Смерть не люблю смиренных да тихих.

Двое свернули к калитке, вскоре третья, сказав «спокойной ночи» подругам, скрылась в кустах сирени.

Борис шел по улице один. Только впереди него по-прежнему белела кофточка, но он догонять ее не хотел. Ему сейчас было не до девчат!

Неожиданно услышанные слова «они еще встретятся» навели его на мысль, что в самом деле встреча может произойти, и ему сейчас показалось, что именно эту мысль и ловил он в пестрой путанице, идя сзади

девчат несколько минут назад. Какова будет эта встреча? В клубе все получилось как-то быстро и неожиданно, а если они с Аркашкой накроют его где-нибудь одного?

«Вывернусь!» — успокаивал себя Борис.

— Борис! — послышалось из-за тополя.

Каштанов повернул голову и увидел ту самую кофточку, которая мелькала впереди. То была Вера. Она вышла на тропинку к Борису.

— Когда комитет? — спросила она тихо.

Борис чуть было не спросил: «Какой комитет?», но вовремя спохватился.

— Завтра. Ты, Вера, предупреди Тольку, а то я с утра в поле уйду.

— Хорошо, — Вера строго поджала губы и повернула к своей калитке.

«Эх ты, секретаришка!» — ругал себя Борис, снова оставшись один.

Он вспомнил собрание. Вспомнил, как инструктор райкома убедительно доказывал комсомольцам, что Борис Каштанов — самая подходящая кандидатура для секретаря. Среднее образование, активист, в техникуме был членом комитета, имеет хорошие характеристики. Инструктор боялся, что анисимовцы не пожелают избрать Бориса секретарем, будут ссылаться на то, что они его не знают, и изо всех сил старался убедить их, какой хороший парень Борис. Но опасения его были напрасны. Голосов против Бориса не было. Тогда его удивило равнодушные комсомольцев, с каким они избрали своего секретаря, но теперь, проработав два месяца, Борис узнал, что в Анисимовке секретари менялись очень часто и ребята привыкли к этому. В основном здесь секретари были приезжие, как и Борис, но они мало засиживались в Анисимовке, уезжали. Только Генка Пухов, которого сменил Борис, был свой, но у него секретарство не получалось. Робок был Генка: ни поручения дать, ни на собрании выступить. Собирал взносы и только. Пусть уж будет привозной. Эти все-таки побойчее.

Бориса пугала мысль о том, что завтра ему нужно будет говорить какие-то умные слова, держаться за столом солидно. Ему всегда казалось, что секретари знают что-то такое, чего не знают рядовые комсомольцы.

Таким он помнил секретаря из техникума. А Борис не умел быть таким. Ему бы вот так, по-простому разговаривать.

Вера напомнила ему сейчас, что «по-простому» секретарям говорить не пристало, надо комитет.

Занятый своими думами, Борис не сразу заметил, что стоит уже возле своего дома. Добротный пятистенок с резными наличниками принадлежал зоотехнику Ивану Ивановичу Потапову. Каштанов жил у него на квартире.

Родители Бориса жили в соседнем, Усть-Крыловском районе. Отец — старый приятель Ивана Ивановича. Они вместе учились в техникуме на зоотехническом отделении. Узнав, что сына направляют работать в «Рассвет», отец тут же написал письмо Ивану Ивановичу.

С малых лет отец «приспособливал» Бориса к своей специальности. Из уважения к отцу тот терпеливо выслушивал рассказы о достоинствах холмогорской породы коров, но его все-таки больше тянуло не в коровник, а в поле, где так много простора, величавой тишины. Борис часто, забравшись в самую середину ржаного поля, с затаенным дыханием слушал тихую музыку шелестящих под легким ветерком колосьев.

О том, что поступил не на зоотехническое отделение техникума. Борис сказал отцу после двух месяцев учебы.

«Ну, что ты будешь делать? Обманул прохвост», — отец хотел всерьез рассердиться, но потом, поразмыслив, решил, что, наверное, так надо. Если душа к делу не лежит, то толку не будет. Пусть уж будет агрономом.

II

До обеда Толька провалился на сеновале. Он несколько раз пытался вставать, но голова была тяжела после вчерашней попойки. Сквозь дремоту он вяло перебирал в памяти события вчерашнего дня.

...Как всегда, вчера к нему зашел Аркашка.

— В Подберезье у девчат вечеринка. Пойдем, что ли? — предложил он.

— Какого черта я там не видел? Да и идти-то пять километров. Не пойду, — решительно отказался Толька.

— Что делать будем?

Толька молчал.

— Раздавим одну? — Аркашка достал из кармана пол-литра.

— Это можно, — охотно согласился Толька и привнес два стакана.

— А, может, сходим?

— Тебе сказано — не пойду!

— Как хочешь, только звали-то шибко.

Когда распили еще одну бутылку, Толька нехотя обронил:

— Звали, говоришь?

— М-м!

— Пойти можно, коли так.

— Вот за это люблю.

Аркашка не представлял себе ясно, почему он привязался к этому парню. Он был сильнее Тольки, но слушался его во всем. Сойдясь с ним однажды по пьяной лавочке, Аркашка весь вечер буйствовал в кругу анисимовских ребят, ломал изгородь, носился по деревне с оглоблей, размахивая ею направо и налево. С того вечера и повелось: где Толька, там и Аркашка. Он боялся показаться трусом в глазах своего друга и всячески доказывал ему свою храбрость. С ним он научился и пить.

Бечеринка в Подберезы не состоялась, ее перенесли на следующее воскресенье. Толька крепко обругал Аркашку и молча повернул обратно в Анисимовку. Но пьяные друзья быстро ссорятся, быстро и мирятся. Когда они поравнялись с крайней избой Анисимовки, тошли уже в обнимку и надрывно горланили песни.

Дед Макар, ночной сторож, пропустив мимо себя пьяную пару, сердито проворчал:

— И чего шляются дурни? Спасу нет.

Толька услышал ворчание деда.

— Ты, старая кляча, знай свое дело и не лезь, куда тебя не просят.

...То, что произошло в клубе, Толька силился припомнить особенно тщательно. «А, пожалуй, зря я ушел. Теперь он хвастаться будет».

Сквозь щелку в сарае пробился теплый лучик солнца и пригрел Толькину щеку. Поворочавшись еще с пол-часа на сене, он поднялся и прошел в избу. Мать уже пришла на обед.

— Встал! Не рано ли?

— В самый раз, — огрызнулся Толька и вяло шагнул в угол к умывальнику, чтобы плеснуть на заспанные глаза.

— Бесстыдный. Мать уже наработалась до семи потов, а ему хоть бы что, спит себе. На что надеешься-то? Ведь пить-есть надо. Много ли я одна-то заработка? Был бы отец, не дал бы тебе дурака валять.

— Будет, слыхал уже, — оборвал Толька, причесываясь перед зеркалом.

За обедом он не проронил ни слова. Насупившись, неторопливо тыкал вилкой в сковородку с жареной картошкой.

Тихонько прочитая, мать убрала со стола и снова пошла на работу.

— Хоть бы загородку в хлеву починил, ежели на колхозную работу не идешь, — сказала она, уже взявшись за ручку двери.

Вслед за матерью Толька вышел на крылечко покурить. Стоял погожий майский день, один из тех дней, когда трудно определить погоду: то ли летняя, то ли еще весенняя. По-весеннему влажен и порывист ветер, по-летнему сухи и горячи лучи солнца; сухая, едучая пыль клубится на дороге вслед за промчавшейся телегой, а на тополе листочки собраны еще в пучки.

По улице с портфелем и стопкой тетрадей в руках шла из школы Вера. Поравнявшись с Толькиным домом, она на минуту остановилась, словно вспомнив о чем-то, и потом решительно направилась к калитке.

— Здравствуй, Анатолий!

— Привет.

— Один?

— Один.

«Чего она пришла? — недоумевал Толька. — Мораль читать, так ведь знает, что напрасно. Я ей не школьник».

Живя по-соседству, они очень редко виделись, да и не хотел Толька с учительницей знакомство заводить.

— Сегодня в девять часов заседание комитета комсомола. Тебе нужно прийти, Анатолий, — мягко, но настойчиво сказала Вера.

— Что я там не видел? — Толька презрительно улыбнулся. — Зачем я понадобился?

— Стало быть понадобился, раз вызывают.

— А ежели я в другом направлении хочу двинуться вечером? Тут как?

— Все отложить и прийти на заседание ровно в девять. — Вера пошла к выходу.

«Прорабатывать, значит, собираются... Опоздали».

С минуту Толька сосредоточенно думает. «Надоели эти комитетчики, отвязаться бы от них совсем».

III

В красном уголке столы поставлены буквой «Т» — так решил Валентин Климушкин. «На всех заседаниях столы стоят только так. А мы что?» — говорил он,правляя складки на скатерти.

Расставив стулья, Валентин сел на председательское место и, сделав строгое лицо, проговорил:

— Обсуждаемый Коноплев! Встаньте!

— Валька, хватит тебе дурачиться. Тут серьезное дело, — остановила Климушкина Наташа Русакова, девушка в синем ситцевом платье и с тугими, черными косами, спущенными на грудь. Она старается всегда быть серьезной. Даже, когда все смеются, она, посмеявшись вместе со всеми, говорит:

— Нет, серьезно...

А что именно тут серьезного — не договаривает.

Ее карие глаза смотрят на Валентина сейчас с какой-то чересчур взрослой строгостью.

— Да и сказал-то ты неправильно: обсуждаемый. Какой он обсуждаемый? — добавила она, помолчав.

Валентин, не моргнув глазом, ответил:

— А какой же он? Где судят — там подсудимый, а мы обсуждаем, значит обсуждаемый. Правильно, Борька?

Борис только что вошел с Верой и продолжал с ней разговор, видимо начатый на улице.

— Что? — спросил он.

— Говорю, Толька обсуждаемый, или еще какой?

— Не знаю. Вот придет — увидим.

— Не знаешь, а тоже секретарь! Но это точно — обсуждаемый.

В присутствии Наташи Валентин всегда придумывал разные «штучки». А вообще в отношениях между ними пока ясности нет. Валентин ухаживает за Наташей, но та, разрешая себя провожать, оставляла без внимания

все его намеки на любовь. Парень уже было решил, что все его попытки терпят полнейший крах, но позавчера она сама пригласила его в кино. Вот тут и пойми девичье сердце!

Вошел краснощекий парень с шапкой густых вьющихся волос.

— Виктору Коробицыну, деятелю культуры, почтеннейшему члену комитета — боевой привет! — проговорил Валентин, с протянутой рукой направляясь к пришедшему. Говоря эти слова, он чуть скосил на Наташу глаза, определяя, какое впечатление на нее они производят.

— Да ну тебя, — Виктор, вытирая лицо платком, сел рядом с Наташей.

— Тольки не видел? — спросил Борис у Виктора.

— Видел, звал. Говорит: «Мне не к спеху». А у самого пол-литра в кармане.

— А ты бы все-таки тащил его сюда. Не понимаю, куда девалась твоя принципиальность? — Валентин широко развел руками.

Только ждали полчаса, но он так и не пришел. Наташа, глубоко вздохнув, сказала:

— Не придет он, серьезно.

— И не надо. Я бы с такой заразой и связываться не стал, — вдруг выпалил Виктор.

— Ну-ну, ты полегче. Культурный работник, а словечки... — Валентин осуждающе посмотрел на Виктора.

— Пошли, чего сидеть? — предложил Борис. Где-то в глубине души он был даже доволен, что Толька не пришел.

Последней из красного уголка вышла Вера. Девушка все время была молчалива. Только, пожалуй, чаще других выглядывала за окно, на дорогу.

— Ты почему такая, Вера? — спросил Борис, когда они вышли на улицу.

Учительница бросила быстрый взгляд на Бориса и, помедлив немного, тихо сказала:

— Горло у меня болит... на улице жара, а у меня простуда. Смешно, правда?

— Бывает и так.

Анисимовка погружалась в сон. Слышалось хлопанье калиток, закрываемых на ночь, в окнах гасли огни. Над крышами висела белая луна, казавшаяся совершенно ненужной, так как света на улице она не прибавляла.

Валентин с Наташой шли впереди, чуть сзади Борис и Вера, Коробицын замыкал шествие. Неожиданно из-за калитки вывернулся Толька. Слегка покачиваясь, он встал на дорогу, в упор смотря на подошедших.

— Привет, — не вынимая рук из карманов, проговорил он. — Вы, кажется, интересовались мною — вот я.

— А зачем ты нам такой нужен. Такого мы тебя уже досыта насмотрелись. Тебя вызывали в комитет, туда и надо было прийти, — сказал Коробицын.

Ему приходилось, пожалуй, больше всех терпеть неприятностей. За прошедшие полгода его клуб занял первое место в районе по количеству драк.

— Ишь ты, вызывали, — Толька криво улыбнулся. — Кто же меня вызывал? Ты, что ли?

— Комитет вызывал, — Климушкин подошел к Тольке ближе.

— Комитет? — Толька вдруг захохотал. — Наташка — комитет?

Кончив хохотать, он изобразил на лице жалобную мину.

— Да что же сейчас со мной будет?

— Брось дурака валять! Слышишь? — Борис положил руку Коноплеву на плечо.

— А-а, Каштанов! Старый приятель, — Толька повернулся лицом к Борису. — Не мешало бы с тобой расплакаться. — Он отступил от него на шаг, сощурив глаза так же, как вчера в клубе.

Наташа со страхом смотрела на Бориса и Тольку. Ей показалось, что вот-вот произойдет драка.

Борис не знал, что делать... Ведь не драться же с ним снова?

— Мы тебя исключаем из комсомола, понял? А за что, ты сам знаешь. Голосую: кто за то, чтобы исключить Тольку из комсомола?

Руки поднялись.

— Видел? Можешь проваливать на все четыре. Пойшли, ребята.

IV

Придя домой, Вера нашла на столе письмо от матери.

Письма от нее ходили регулярно — раз в месяц, и были похожи одно на другое. Поклоны от родственников,

затем всевозможные напутствия, которые всегда сводились к одному: не выходить замуж, пока не найдется подходящий парень. Но и тогда пусть она, Вера, сначала приедет с ним к матери, а потом и свадьбу миром да ладом.

Вера уже несколько раз пыталась написать матери обо всем, что она переживала, но каждый раз письмо получалось длинным и, главное, непонятным. Вера убеждалась, что о своем чувстве она не сможет рассказать никому, оно было очень глубоко у нее запрятано. Был бы Толька таким, как все, она не стала бы скрываться. Но вот тут-то и началось то неясное, в чем она не могла еще как следует разобраться: а родилось ли бы это чувство, если бы Толька был таким, как все?

Их первая встреча произошла прошлой осенью.

Вера с учениками в поле недалеко от деревни собирала колосья. Уже перед концом, когда корзины были полными, Вася Полознев повредил себе ногу — зацепился за конец металлического троса. Рана получилась глубокой, и Вера, при виде обильной крови, растерялась. Она усадила мальчика на камень, который лежал возле дороги, и стала нащупывать у него вену, чтобы зажать ее.

— Барышня, надо — жгут, — вдруг послышалось сзади.

Вера, не выпрямляясь, оглянулась — на дороге стоял парень в черном макинтоше. И хотя она видела его раньше, когда он был еще далеко, появление его было неожиданным. Впрочем, более неожиданным был его совет, простой и единственно правильный. Но Вера почему-то не спешila его выполнять и по-прежнему держала палец на найденной вене, словно хотела этим доказать, что ее способ надежнее, вернее. Кровь не унималась, и Вася, поначалу крепившийся, вдруг заревел.

— Да чего же вы ждете? — парень сорвал с шеи белыйшелковый шарф и, грубо взяв Васину ногу, быстро наложил жгут.

— А ты, сопляк, не ори! Распустил нюни... — проговорил он, затягивая узел.

Ребята стояли молчаливым полукругом и с восхищением следили за ловкими движениями его рук.

— Ну, чего уставились? — прикрикнул на них парень, разгибая спину. — Цыплята глупые.

Затем он глянул на растерявшуюся Веру и, криво усмехнувшись, обронил: — Впрочем, такова и наседка.

Парень пошел дальше, пошел неторопливо, уверенно, не оглядываясь, словно и не было у него этой короткой остановки.

— Это Лукьянин Толька. Я знаю, — сообщил кто-то из ребят. — Он вчера приехал. Видать, в сельсовет зачем-то ходил.

Вера понимала, что ей необходимо как-то объяснить ребятам грубые слова парня, чтобы восстановить свой авторитет. Понимала это и не могла ничего придумать, в глубине души сознавая, что в основе грубоści парня лежало хорошее человеческое чувство.

Такова была их первая встреча. Другие были такими же короткими. Но каждая из них была впечатляюща, чем-то необыкновенна, заставляла думать.

В облике, в фигуре Тольки, в поступках его Вера находила черты сильного человека, того человека, с которым она мечтала встретиться в жизни. Но Толька нес в себе одновременно и влекущее и отталкивающее. Второе очень часто заслоняло первое, и тогда Вера теряла в нем того, кого полюбила. Но ей не хотелось соглашаться с этим, и она вновь отыскивала в Тольке то хорошее, что она хотела в нем видеть, вновь его находила и примеряла это хорошее к тому воображаемому парню, которого создала себе еще в студенческие годы.

В Анисимовку она приехала два года назад. Пока училась в педучилище, они с матерью жили вдвоем в уютной квартирке на одной из окраинных улиц областного города. После педучилища Вера была направлена на работу в Анисимовку, а мать поехала в Саратов к сыну Алексею.

Вера зажгла свет и прочитала письмо. Мать звала на лето к себе. Уехать?.. Потушив лампу, она раскрыла окно и села, облокотясь на подоконник. В полумраке вырисовывался силуэт Толькиного дома.

Сколько вечеров просижено вот так у окна!

В педучилище Вера называли гордячкой. Она не возражала против этого, хотя сама была глубоко убеждена, что гордости в ней нет ни капли. Просто она не могла принимать ухаживания парня, который ей не нравился. Вера ждала настоящей любви, той, о которой говорят, что она бывает раз в жизни. Она готовила себя

к ней и не хотела брать по кусочкам от того большого и целого, что непременно ждало ее впереди. Она ходила на танцы вместе с подругами, была очень весела на студенческих вечеринках, любила и поплясать. Но ей казалось, что встреча с тем, которого она ждет, произойдет не на танцах, а где-то в другом месте, может даже просто на улице. Она его сразу узнает.

И вот встретился Толька... Неужели это он?

...Может и в самом деле уехать к матери? Но только не в гости, а совсем. Вера закрыла окно и легла спать, стараясь удержать эту мысль.

V

Утро в деревне начинают куры. Они первыми выходят на улицу и под предводительством петухов устремляются к тем местам, где можно найти и червя, и зернышко.

Петухи в жизни анисимовцев занимают особое место. Петушиные бои — страсть анисимовских мужиков, имеющая очень глубокие корни. На мужских посиделках часто можно слышать: «Помню, в детстве у нас был петух, так он уряднику глаз выклевал...» Или: «А мой дед рассказывал, что был у него петух, который в другую деревню драться ходил...»

На сцепившуюся пару собирался смотреть весь конец деревни, а то и половина, в зависимости от того, где они сцепились: на крайнем дворе или ближе к средине. Петушиная красота здесь во внимание не бралась. У деда Макара петух самый что ни есть неказистый: на месте хвоста у него торчком стоит только одно зеленое перо, — но он признан главарем. А вот у зоотехника петуха и хвост разноцветами кудреватится, и гребень, что тебе царская корона, а все равно ему никакого уважения. Так, ни петух ни курица. Окончательно он потерял свой петушиный сан тогда, когда у всех на виду бежал от одного молоденького петушка.

Поэтому Борис, разбуженный его громким и надрывным криком, имел все основания сказать:

— Дурак! Что б тебя курица заклевала!

Петух, разбудив Бориса, слетел с насеста, увлекая за собой кур, и вскоре их говор уплыл куда-то за угол дома.

Борис полежал еще несколько минут в чулане и встал, продолжая ругать непутевого петуха, хотя его можно было и не ругать, а скорее благодарить, потому что вставать уже было пора.

Вчера, прия домой, он долго не мог уснуть. В техникуме все исключения и обсуждения проходили далеко не так, и, вспоминая о них, Борис все больше убеждался, что секретарского в его поступках ничего нет. Надо поступать иначе. Но как?

От домов и тополей через дорогу легли тени. Кое-где окна искрились серебряным блеском. Из труб тянулся дым, запах которого мешался с запахом свежей и мокрой земли, создавая незабывающееся ощущение деревенского утра.

Распахнулось окно, и на улицу выглянула гладко причесанная голова Климушкина.

— Борь, на диспетчерский идешь?

Борис ничего не успел ответить, как тот исчез и через полминуты торопливо вышел на улицу.

— Айда вместе, — проговорил Валентин, хлопнув калиткой. — Дело у меня к председателю есть.

— Какое дело?

— Канительное. Тянется эта канитель уже три месяца. Решили правленцы и на этом точку поставили.

— Ты о чем это говоришь? — не понимал Борис.

— А вот о чем. Ты как комсомольский секретарь должен вникнуть в эту суть и помочь мне сдвинуть дело с точки замерзания. Подумай и скажи мне: много ли в летнюю пору находится колхозник дома? Самую ерунду. Все в поле, при работе, а я, выходит, совсем не нужный человек. А почему бы не сделать, скажем, так: приезжаю я в поле в обеденный перерыв, или там в перекур, и прямо тут разворачиваю антенну, на шест или на березу вывешиваю репродуктор и — нате, пожалуйста, слушайте, расширяйте свой кругозор. А? Дело я говорю? Ведь решили об этом на правлении еще зимой. «Для усиления агитполитической работы купить радиоприемник и оборудовать выездной радиофургон». Был такой пункт? Был. Но так и остался в книге у счетовода.

Валентин горячился, а когда он бывал в таком состоянии, то ежеминутно приглаживал волосы, и теперь они от чрезмерной о них заботы взлохматились.

Радиоделу Валентин выучился в армии и, вернувшись домой после службы, стал работать заведующим колхозным радиоузлом. Исполнял он свои обязанности хорошо, звание радиотехника носил с заметной гордостью. Валентин считал себя человеком техники, и поэтому в его лексиконе было много слов, бытующих на производстве. Утренние, короткие совещания в правлении он называл не иначе, как диспетчерским часом, а бригадиров — начальниками участков.

— Если дадут деньги, то сегодня же двинусь в город, за приемником. Как ты думаешь, Борька, дадут?

— Должны дать.

— И я так считаю — должны, потому что сами же решали. А ежели что — так перед Филатовым вопрос поставлен ребром: радио — политическое дело, а ты, секретарь партийной организации, куда смотришь? Так и скажу. Ну и ты поддержи. Тебе ведь тоже положено: в секретарях ходишь.

Они подошли к правлению.

VI

«Диспетчерский» закончился быстро. Сев в колхозе подходил к концу, и работа в бригадах теперь шла полным ходом. Борис, слушая выступления бригадиров, помечал в блокноте, в каком поле будет работать та или иная бригада, с тем, чтобы днем, при обходе, ему легко было ориентироваться. В конце совещания, перемигнувшись, Борис и Валентин решительно пошли в наступление на председателя, но Семен Игнатьевич Крутогоров, увидев такой напор, замахал руками и тут же дал указание счетоводу выдать Климушкину семьсот рублей. Получив деньги, Валентин сияющий выбежал из правления. Собрался было уходить и Борис, но у порога его окликнул Филатов, секретарь партийной организации. Это был приземистый мужчина, с худощавым лицом и густыми, седеющими бровями. Работал он бригадиром второй бригады. На совещаниях Филатов говорил неторопливо, укладывая слова, как кирпичи, ровно, одно к другому. Борис его выступления всегда слушал с интересом.

— Ну как дела, секретарь? — спросил Филатов. Улыбка у него обычно была широкая и добрая, но те-

перь в ней кроме доброты было видно что-то еще, что заставило Бориса насторожиться.

— О каких делах вы спрашиваете, Кузьма Афанасьевич?

— Ну, известно, о комсомольских. Только, значит, по всей строгости комсомольского закона? Кто «за» — и проваливай на все четыре?

— А как же иначе? — не совсем уверенно спросил Борис, так как по лицу Филатова трудно было определить, то ли он осуждает Толькино исключение, то ли нет: он ходил по комнате, заложив большой палец за ремень, подпоясывавший сatinовую косоворотку, и как-то потаенно улыбался.

— Так круто нельзя, товарищ Каштанов, — проговорил председатель, запирая свой стол. — Надо было сначала в стенгазете его как следует пропечатать, потом предупреждение вынести или выговор. Мер воспитательных много. А вы на-ко: сразу обухом по голове.

Каштанов, выслушав Крутогорова, вдруг ощутил острую обиду за себя. Ему и так трудно, а они вместо того, чтобы помочь добрым словом, упрекать начали. «Тебя бы вчера на наше место, другую песню запел бы, — подумал Борис, глядя на председателя. — Испугаешь Тольку стенгазетой!»

— Предупреждения Тольке, что мертвому припарки, — сдерживая себя, проговорил Борис, — я думаю, он их видел немало.

— Вот видишь — «я думаю». Говоришь ты неуверенно, значит как следует товарища не изучил. Надо больше вести индивидуальной работы, доходить до каждого комсомольца, — искоса поглядывая на Филатова, продолжал Крутогоров.

По его лицу было видно, что он ищет поддержки у Филатова.

Филатов, мало слушая Крутогорова, подошел к Борису и, положив руку ему на плечо, серьезно проговорил.

— Собирайте комсомольское собрание и обсудите Коноплева. Без собрания этот вопрос правильно не решить.

— Да не придет ведь он на собрание-то! — выкрикнул Борис.

-- Ну, тогда и разговор будет другой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Четыре года назад, после окончания ремесленного училища, Толька был направлен на Урал. «Давать стране угля», как они тогда называли свое назначение, приехали с ним двенадцать товарищей по училищу. Их, воложан, поселили всех в одну комнату, выдали спецодежду и выходную форму, познакомили с работой.

Только заинтересовала новая профессия, а полюбить ее помог старый шахтер Павел Петрович Рябцев, который много и очень увлекательно рассказывал о своей жизни. Он проработал на шахте двадцать пять лет и многое видел на своем веку.

Полюбилась Павлу Петровичу Толькина напористость, его умение схватывать все на лету, и он пообещал сделать из него настоящего шахтера. Через полгода пришел успех; Толькин портрет висел на Доске почета, его приняли в комсомол. А вскоре пришла и любовь. Она пришла нежданно-негаданно, властно вторглась в Толькино взбудораженное славой сердце.

Лелька-библиотекарша, совсем невзрачная девчонка, с тонкими жиденькими косичками, которая только и умела, как щурить надменно глаза да выпячивать пухлые губы, однажды, выдавая Тольке книгу, заметила:

— Культуры у вас мало, товарищ Коноплев. Разве так с книгой обращаются?

Она перелистала сданную Толькой книгу.

— Посмотрите, что вы наделали: уголки на листах все изогнуты. Надо вкладочки делать, а не загибать. Или вот эти темные пятна! Мойте, пожалуйста, руки, когда беретесь за книгу.

Толька ничего не ответил. Он скосил злые глаза на Лельку и ушел. «Культурная нашлась... Спустить тебя в шахту, тогда узнаешь».

В этот вечер он в клуб не пошел, остался один в комнате.

Он ворочался на койке, курил, вздыхал, бросал и снова брался за книгу. Со страниц смотрела сощурившаяся Лелька: «Культуры в тебе нет, вот что». Толька гневно захлапывал книгу, кидал ее в тумбочку. «Я тебе покажу культуру!» — грозился он.

Не мог он понять в тот вечер, почему его так задели Лелькины слова. Подумаешь — сказала, на то она и библиотекарь.

Перед приходом ребят он лежал в кровати, перечисляя большие и малые недостатки в Лелькиной внешности и характере.

— Толя, тебе библиотекарша привет передавала.

— Что-о?

— Привет Лелька передавала. Почему, говорит, его в клубе нет?

Толька ничего не ответил. Повернулся на другой бок так, что койка жалобно заскрипела. С головой упрятавшись под одеяло, он старался поскорее заснуть, с силой сжимая веки, но сон не приходил.

На другой день Коноплев с нетерпением дождался вечера. В фойе клуба он отыскал Лельку. Она с подругой стояла у стены, там, где висела картина Айвазовского. «Почему она не танцует?» — подумал Толька. Он протискался сквозь пары танцующих и встал с ними рядом.

На Лельку с подругой он, казалось, не обращал никакого внимания, так как был увлечен рассматриванием картины, но уголок его глаза неотступно следил за Лелькой. А она была совсем обыкновенная. Те же плетеные хвостики на спине — уж лучше бы она их прибрала, что ли, обвила вокруг головы, или как там у них делается, та же, совсем девчоночья грудь. Только прищуренными глазами по фойе стреляет да шепчется со своей подругой.

А потом все произошло, как показалось Тольке, само по себе. Клубный оркестр заиграл вальс «Амурские волны». В фойе стало тесно. Лельку с подругой и Тольку притиснули к стене.

— Чего жаться-то тут? Пойдем и мы.

Во время танца Толька почти не чувствовал на своем плече маленькой руки Лельки. Он пытался заговорить, но она молчала.

— Душно. Выйдем на улицу.

Лелька так же молчаливо согласилась и первая направилась к выходу. Они сели на скамейку в палисаднике, разбитом у входа в клуб.

Лелька сидела, положив руки на колени, и в полу暗каке вечера она казалась меньше обычного. Хотелось

посадить это маленькое, невесомое существо к себе на колени, посадить, как садят ребенка, прижать к груди и так сидеть, не говоря ни слова, слушать вкрадчивые шорохи вечера.

Он повернулся к ней, поставив локоть на спинку бедки. В глазах Лельки вспыхнул приветливый огонек, но он тотчас же был потушен мягко и стыдливо опущенными ресницами.

— Книг больше пачкать я не буду, честное слово. Только ты не ругай меня больше...

— А ты обиделся?

— Да как тебе сказать...

II

Толькина душа взвинчена до отказа. Толька план выполняет на двести процентов, о нем пишут газеты.

Как-то раз вызвали Коноплева в комитет комсомола.

— Работаешь ты на комбайне отлично, — сказали ему в комитете. — Хотим к тебе паренька одного прокрепить, Сергея Лукова. Не получается у него никак. Пусть посмотрит, как ты работаешь.

— Это что же, вроде учителя я буду?

— Во-во!

— Добре, пусть приходит завтра.

На другой день он спускался в шахту преисполненный собственного достоинства. Около комбайна его ожидал Луков.

— Ну, молодой человек, — подражая в движениях и словах Павлу Петровичу, проговорил Толька. — С чего начнем? Одно условие: не мешать, вперед не залезать, смотреть и слушать внимательно. Понятно?

— Понятно, — Сергей смотрел на него, как на полубога. Он много наслушался о Коноплеве и теперь был готов на любые условия.

— Перво-наперво, — поучал Толька, — нужно тщательно проверить агрегат. Лучше устранить маленькую неисправность перед работой, чем большую во время работы...

Сергей слушал с немигающими глазами.

Вечером Коноплев сообщил Лельке:

— Парнишку подсунули. Возись вот с такими желторотыми.

Все, что ни говорил он, Лелька слушала с замиранием сердца. Он ей казался каким-то необыкновенно сильным, ловким и, восхищенная его ловкостью, она не замечала в его характере ни хвастовства, ни заносчивости.

Через месяц Сережа Луков впервые выполнил норму.

В этот день он ждал Тольку, когда тот после смены пойдет к себе в общежитие.

Увидев его, он бросился к нему навстречу, счастливый своим успехом.

— Толя, спасибо, — только и выговорил Сережа, с силой сжимая Толькину руку.

Тот покровительственно улыбнулся и сказал:

— Ну, вот и молодец. Ежели что — приходи ко мне еще. Я, брат, такой... — и, выразительно кашлянув, как бы между прочим обронил: — Однако не мешало бы горло прополоскать...

Сережа не сразу понял, на что намекает Толька, а когда сообразил, густо покраснел, чувствуя не совсем понятную вину перед ним.

«И как я не догадался об этом сам? Он меня научил, а я ему сто грамм поставить жалею». И, зачем-то переложив хрустящую пятидесятирублевку из одного кармана в другой, Сережа несмело тронул Тольку за рукав спецовки.

— Пойдем...

Через час они вышли из пивной довольноные друг другом. Правда, Сереже было немного не по себе. Уж очень хвалил его Толька и, ощущая за собой долг, Сереже то и дело приходилось бегать к прилавку за кружками с пивом.

— Я, брат, такой! Для друга ничего не пожалею. Ты поближе ко мне держись, я тебя в люди выведу. Со мной не пропадешь! — громко говорил Коноплев, широко размахивая руками...

Они шли по шахтерскому поселку. Разгоряченный Толька не заметил сидевшего на крыльце одного из домиков Павла Петровича, не почувствовал его осуждающего взгляда.

А на другой день Коноплева снова вызвали в комитет комсомола.

«Понравилось, наверное, — парнишку научил, — думал он, направляясь в комитет. — А что, ежели премию дадут?»

Секретарь стоял у окна и что-то высматривал на улице. Кивком головы он указал на стул. Затем неторопливо прошел к столу и с важностью сел.

— Вы это бросьте, товарищ Коноплев, — проговорил секретарь, хмуро глядя на чернильный прибор.

— Что?

— Пить. Лукова не втягивайте. Молодой, растущий товарищ, стыдитесь.

Толька недоуменно повел плечами:

— А что мне делать, если он угощает?

— Ну, знаете ли... Оставьте эти сказки для кого-нибудь другого. А меня вам провести не удастся. Так вот рекомендую. Иначе — будут выводы соответствующие. Я вас больше не держу.

...Толька ходил недовольный, стараясь найти доносчика. Он не смотрел на «колючку», где был нарисован купающимся в огромном бокале.

— Ты что ли ходил в комитет? — спросил он у Сережки. Тот испуганно заморгал глазами.

— Что ты, Толя! Да разве я могу?

Внимательно присмотревшись к Сережке, Толька решил, что действительно в комитет сообщил не он. Но кто же тогда? Помучавшись в догадках несколько дней, он махнул рукой: «А, черт с ними! В конце концов двести процентов кое-что значат! Мое дело, чем заниматься после работы».

Коноплев старался не думать больше об этом, но в душе родилось новое чувство, которого он не испытывал раньше никогда. Как же так? Он передовик производства, и не только сам — других в передовые выводят: Сережка-то благодаря ему стал нормы перевыполнять. А ему никто спасибо даже не сказал. И подумаешь, Сережка после работы пару пива поставил. Ведь это не им заведено...

Сережка уже догонял Тольку на своем комбайне. И, что больше всего обижало, загордился стервец. Еще один раз он сходил с ним горло промочить, и то, как показалось Тольке, нехотя. А потом все как-то увертывался: то ему некогда, то еще что-нибудь. А глаза такие наглые, бессовестные. Засунет руки в карманы и смеется.

А комитетчики и вовсе перестали замечать Тольку. Раньше, что ни вечер, глядишь и торчит кто-нибудь у

Толькиного комбайна. Был раньше у них Анатолий Иванович, а теперь стал просто Коноплев. Сухонькие, с гладкими, словно прилизанными прическами — все они были кабинетскими работниками. Утром в кабинет, вечером из кабинетов, щмыгают, тихие, как мыши, с папками в руках. Что они смыслят в шахтерском деле?

А хуже всего то, что ребята в комнате как-то обо всем узнали и теперь встречали его с ехидными улыбками на лице.

Одна Лелька по-прежнему с готовностью слушала его и понимающе кивала головой, когда он рассказывал, как несправедливо с ним поступают. Ей он мог говорить все.

Так прошло лето. В комитет больше не вызывали, на собраниях не хвалили. Но тут произошло такое, после чего вся Толькина жизнь пошла кувырком. Как-то вечером, возвращаясь с работы, он увидел, что у Доски почета, ярко освещенной несколькими электрическими фонарями, толпится много народа.

— Что такое? — подумал Коноплев и тоже подошел.

В нижнем ряду добавилась рамка с новым портретом. Из-под стекла на собравшихся смотрел и лихо улыбался Сережка Луков.

«Вот оно что».

Тольке показалось обидным, что все наперебой хвалят Сережку, а о нем никто ни слова. А ведь это он сделал его таким.

Толька смотрел на свой портрет, прибитый сбоку, во втором ряду, и он показался ему каким-то сиротливым, всеми забытым, а золоченая багетовая рамка потускневшей.

Он не стал более задерживаться и, не проронив ни слова, пошел дальше, с трудом переставляя ноги. Сердце схватила обида.

Он еще раз обернулся и, отойдя немного в сторону, остановился, наблюдая за людьми.

Тут он заметил, что среди смотревших находится и сам Сережка.

«Слюняй, подлиза! — ругался Толька, стоя один в темноте. — Ишь ведь, так и юлит, так и юлит. Забыл, гаденыш, что на чужом горбу выехал. Ну, погоди!» — грозился он, сам еще не зная, чем отомстит Сережке.

Люди ушли, и площадка у Доски опустела, а Толька все еще не уходил со своего места и злобно шепотом ругался.

Потом он наклонился, пошарил по земле рукой и, нащупав лужу, набрал из нее горсть липкой, вязучей грязи. Руку с грязью он засунул в карман спецовки и, воровато озираясь, подбежал к портретам.

— Вот тебе, вот! — шептал Толька, водя грязной ладонью по гладкому, холодному стеклу. Но одной горсти ему показалось мало, и он хотел набрать другую, но в это время к Доске почета подошел секретарь комитета комсомола.

— Ты чего здесь делаешь? — спокойно спросил он, но, глянув на залепленный грязью Сережкин портрет, скривился в злой усмешке. — Понятно...

И тут же согнав усмешку, он шагнул к Тольке. Его тонкие, строго сжатые губы и прищуренные глаза выражали гнев, который, казалось, был так пламенен, что Толька невольно растерялся. Он уже начал раскаиваться в совершенном, но тут же вспомнил, что такие же губы и глаза он видел уже на лице секретаря. Это было в библиотеке, когда однажды Лелька по ошибке вместо Плеханова выдала ему томик стихов Пушкина.

— Ну, чего уставился? — спросил Коноплев и также сощурил глаза.

— Во-первых, я не уставился, а во-вторых, придется вам, молодой человек, отвечать по всей строгости. — В голосе секретаря чувствовался все тот же официальный гнев.

Слова эти не напугали Тольку, а еще больше разозлили. Он знал, что отвечать, это значит, сидеть вот перед такими опрятными интеллигентиками и слушать их длинные, нудные нотации. А он не привык к таким разговорам. Он согласен ответить теперь сразу, он не боится их.

— А ты не пугай, — проговорил Толька, приблизившись к секретарю с явным намерением вызвать его на объяснение сейчас. Он был готов ко всему, даже к удару. Удар — это было бы еще лучше, тогда конкретнее произошло бы объяснение.

Секретарь отступил при виде искаженного злой гримасой лица.

— Да вы что? — прошептал он.

Толька наступал, продолжая в упор смотреть на него.

— Да вы ответите вдвойне! — вдруг неестественно громко выкрикнул секретарь и сделал в сторону еще два шага.

— А-а! Вдвойне! — Толька крутнулся на месте, не находя, на что бы выплыть свою ярость.

Затем он шагнул к Доске и в два рывка оторвал Сережкин портрет.

— Ну, на! — крикнул он и кинул портрет в секретаря. Тот успел отскочить.

Опустошенный и разбитый Толька медленно направился к проходной.

III

На комсомольское собрание Коноплев пришел первым. Он выбрал укромное местечко в углу, за шкафом, и теперь сидел там, казалось, совершенно невозмутимо. Он вертел в руках свою новую серую кепку и внимательно рассматривал черную шелковую подкладку.

Да, собственно говоря, ему сейчас все равно, что о нем будут говорить. Он приходил сегодня утром в комитет комсомола к секретарю, хотел извиниться, но тот не дал ему сказать ни одного слова, выставил за дверь.

Слишком разгневан был секретарь, не пожелал разговаривать и, пообещав всыпать по первое число, прикрыл за ним дверь.

Несколько минут Толька стоял перед дверью, смотря на вывинтившийся шуруп у дверной ручки и машинально прилаживая его на прежнее место. «По первое число». Он не мог представить, что это значит. «А-а, черт, заодно пропадать».

Толька приоткрыл дверь и, всунув голову в щель, выпустил на голову секретаря поток отчаянных ругательств.

Это он виноват во всем, сухожилый! Он раздул по всей шахте Толькину славу, он потом и посмеялся над ним, выставив на посмешище в стенгазете. А теперь еще и всыпать собирается!..

Сережка тут не виноват, и Толька был готов извиниться перед ним. Сережка все-таки свой, рабочий парень, поймет. Ну, а жизни-то все равно здесь не бу-

дет. Уехать? Толька зацепился за эту мысль. В самом деле, ведь два года уже отработано, никто не задержит Пожить сначала у матери, а там видно будет. Свет на клином сошелся.

От этой мысли стало легче.

С полным безразличием к исходу своего дела — ведь ему все равно, он не будет жить тут — Толька шел на собрание.

И теперь он очень равнодушно слушал, что о нем говорили.

Ему припомнили все грехи, большие и малые. Коноплев нечистоплотен в быту — койка у него не заправляется, груб с товарищами, портит социалистическую собственность. Коноплев — карьерист. Вспомнили и о кружках пива.

От объяснений Толька отказался: зачем?

С большой речью выступил секретарь, из которой Толька понял одно, что он сейчас конченный человек.

Он сидел с опущенной головой и терпеливо ждал конца, и только в момент голосования поднял голову. Опасливо озираясь, Лелька медленно поднимала руку «за».

А приговор вынесли суровый: объявить строгий выговор, снять с Доски почета и отстранить от комбайна — перевести на погрузку вагонеток.

На улице подбежала Лелька.

— Толя, ты обижаешься на меня? Ведь все голосовали «за», и я не посмела одна «против».

Лелька всхлипывала. Ухватившись за рукав, она старалась заглянуть ему в лицо.

— А ведь они слишком строго поступили. Правда, Толя?

При свете фонаря Толька увидел пухленькое лицо и широко раскрытые мокрые глаза, которые ничего не выражали, кроме наивной жалости.

И впервые за время их знакомства Коноплев почувствовал злобу на Лельку, и вовсе не за то, что она на собрании голосовала «за», а за то, что она теперь вот такая слезливая ласкается к нему, старается вымолить прощение. Нет! Не это нужно было ему сейчас!

— И чего ты ревешь? Я не дитя...

Остаток пути они прошли молча и разошлись по своим домам.

... Через неделю Толька уже уехал домой, к матери. В вагоне он ни с кем из пассажиров не вступал в разговор и, дымя папиросами, молча лежал на полке.

Его зеленоватые глаза поблескивали вяло, Толька думал о жизни.

До чего же она получилась у него какая-то путаная. Работал, как мог, и вроде был человеком, а потом полетело все вверх тармашками. А почему? Разве он хотел плохого Сережке, такому славному парню? Нет, не в Сережке дело. В чем тогда? В обиде? На кого? На всех понемногу. Обида родилась после того разговора в комитете комсомола, когда Толька шел за премией, а получил выговор. «Привычки некоторых старых мастеров брось», — вспомнились слова секретаря. А какие же тут привычки? Предлагая промочить горло, он хотел в полной мере сыграть роль учителя, и только. Правда, у них с Павлом Петровичем не было такого, но на шахте это считалось обычным делом. Кто знает, может быть, поговори тогда секретарь по-другому — у Тольки и не было бы никакой обиды. Ведь его даже не спросили, как он выучил Сережку? А Толька ждал...

Перед глазами выросла Лелька, слезливая, со шмыгающим носом. Он уехал, не простившись с ней, не хотел, чтобы она провожала на вокзале.

Нет, не настоящая у них была любовь. И Лелька не была хорошим другом...

IV

Натосковалась, намучилась мать, живя одна. Кроме Тольки у нее никого не было. Муж погиб в войну. Как ей не радоваться приезду сына, которого она почти пять лет не видела. Сначала ремесленное училище, потом на работу уехал.

— Совсем, сынок?

— Совсем, мама.

— Рассчитался, значит. А где сейчас-то думаешь устроиться?

— Спешить некуда, поживем — увидим. Нужда не торопит, что спешить, — говорил Толька, перекладывая из чемодана на комод несколько пачек денег. Последнюю он ловко подбросил на ладони. — Вот они, горбом заработанные... Будет нам на прокорм пока.

Стояла глубокая осень. Шли осенние обложные дожди.

Толька почти не выглядал на улицу, разве только сходит в магазин за бутылкой и опять сидит дома жизнь свою шахтерскую по косточкам разбирает.

Приходил к нему председатель колхоза Крутогоров, но Толька с ним не много разговаривал.

В самом деле, чудак этот председатель: вздумал работу в колхозе предлагать, да какую работу — молото бойцем в кузнице! Его, шахтера, молотобойцем? Так и с чем и ушел председатель.

Через день пришел секретарь комсомольский — Пухо Генка, который до Каштanova в Анисимовке секретарствовал.

Так и так, мол, думали мы, гадали в комитете и решили: быть тебе, Толя, в кузнице, поскольку человек с производства, с механизмами разными знаком.

Что за черт? Сговорились они, наверное, с председателем!

Толька так посмотрел на Пухова, что тот задом, за дом да и юрк за дверь.

Трусливенький такой секретаришка.

Больше никто не приходил.

Почтальон принес письмо.

«Дорогой Толя! Прошло уже два месяца, как ты уехал, а от тебя никакой весточки не получала. Ждала ждала я твоего письма — решила сама написать. (Адрес узнала у ребят). Если бы ты знал, как тяжело мне то пожалел бы меня. Плачу каждый день, все вспоминаю, как мы вечера проводили вместе. А как вспомню что ты уехал, не простишись, то еще тяжелей становится. Зачем ты так сделал, Толя? Какой ты грубый бессердечный! Нет! Ты не любил меня, а просто временно проводил. Здесь, на шахте, иногда вспоминают о тебе говорят, мол, Толька эгоистичный парень, с большим грузом капиталистических пережитков. Это комитетчики так говорят, особенно секретарь, а я с ними совсем разругалась и теперь на собрания не хожу. И не буду ходить. Ты видишь, как я люблю тебя. Здесь только я одна и жалею тебя, да иногда Павел Петрович поворчit. Не могли, говорит, жизнь парню поправить, нами, мол, стариками, не посоветовались...»

Прочитав письмо, Толька долго смотрел на круглень

кие буковки. Опять эта жалость! Лучше бы Лелька отругала его в своем письме, а не лила слезы.

Толька представил, как она ругается там с ребятами, презрительно скривив губы, и как все от нее досадливо отмахиваются, дескать, без тебя знаем, что за фрукт этот Толька!

Зачем, зачем это все?

Ответ Тольки был очень краток.

«Писем не пиши. Между нами все кончено. Мокро-глазиться не советую. Не такой уж я хороший, чтобы жалеть меня. А то, что ты говоришь, не любил — не правда. Любил. Но теперь не люблю, поэтому — не пиши».

Всю осень Толька просидел дома. Только в декабре решил сходить в клуб. Анисимовская молодежь встретила его настороженно. Отталкивала Толькина нелюдимость, отталкивал его тяжелый, насупившийся взгляд из-под сдвинутых густых бровей.

Он молча сидел во время танцев в углу, дымя папиросой, и никто не осмеливался ему запретить. Как же, гость! И вообще с ним мало кто разговаривал, потому что он сам говорил одними «да» и «нет», а иногда и вовсе не отвечал на вопросы.

Пробовал Валентин Климушкин поговорить с ним о шахтерской жизни, но Толька, снисходительно улыбнувшись, разом отбил у него к этому охоту.

— Уголек рубать — это тебе не в навозе ковыряться.

И хоть больше ничего не сказал, но Валентин понял без слов, по одному Толькиному виду, что тот говорить с ним считает ниже своего шахтерского достоинства.

Консплев скучал.

Однажды он пришел в клуб пьяный. Встав на средине, бессмысленно озирался вокруг, чувствуя на себе испуганные и удивленные взгляды.

Тольку разозлила установившаяся тишина. «Что же вы, дрянные людишки, молчите? Ведь я нарушил у вас порядок!»

Он подошел к гармонисту.

— Р-русскую! Плясать буду!

Тот неохотно заиграл. Но то ли ноги у Тольки не могли взять дробь, или гармонист путался, но пляска не получилась.

— Чего ты дурака валяешь? Я тебя просил русскую!

— Как умею, так играю.

— А-а! Для других умеешь, для меня не умеешь?
Вон отсюда!

Схватив за шиворот гармониста, Толька потащил его из клуба.

И опять никто ничего. Из-за плеч ребят испуганно поглядывало веснушчатое лицо Генки Пухова.

«Да что за люди тут живут!»

Разгоряченный Толька начал добираться и до других.

— Вы все заодно! Не хотите, чтобы я с вами гулял!

Правда, однажды попытались скрутить Тольке руки, но он вытащил из кармана перочинный ножик, и ребята отступили.

Больше таких попыток не было. Толька нашел в этом утешение.

Проходил месяц за месяцем, а он все никуда не ехал...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Июнь в начале. Сейчас бы только и развернуться во всей красоте помолодевшему лесу, зеленеть бы полям дружными всходами. Но зной, неумолимый зной, горячо дышал на все молодое, растущее. Задыхаются в томящем мареве березки, невеселы гордые красавцы-тополя, прижаты к земле всходы ячменя и пшеницы.

В поле Борис бывал каждый день. Его больше всего тревожил ячмень. Среди зеленых кустов и перелесков ячменное поле непривычно коричневело и своим пустынным видом наводило грусть. Фиолетовые иголочки всходов совершенно терялись среди затвердевших комков земли. Почва в поле глинистая, и поэтому корка здесь образовалась очень твердая.

Что делать? Борис видел, что Крутогоров ждет его совета. Но какой совет может быть? Борис мог бы предложить подкормку минеральными удобрениями, но ему казалось, что ни суперфосфат, ни калийная соль не помогут этим хилым росточкам. Вот если бы к ним еще что-нибудь! Но что? Землю надо размягчить...

Сегодня утром председатель, садясь на Савраску, был особенно мрачен и тих.

— Ячмень гибнет, пшеничка тоже, почитай, а мы с тобой, Саврасый, только ездим да смотрим. А что от нашего смотрения толку?

Борис, выходя из правления, слышал эти слова и в них почувствовал укор. Вот уже неделю они каждое утро встречаются в правлении и говорят все об одном и том же, а потом расходятся каждый со своими думами.

До обеда Борис пробыл у огородников — вместе со старухами полол морковь и свеклу, и теперь, идя в деревню, решил привернуть на радиоузел к Валентину.

Тот в одних трусах лежал на траве неподалеку от крыльца и читал книгу.

— Загораешь?

— А что?

— Ничо! — в тон Климушкину проговорил Борис и сел рядом.

— Что прогноз обещает?

— Ничего особенного.

Валентин повернулся на бок, снял темные очки и протер глаза. Борис молчал и тоскливо смотрел на белое облачко, одиноко плывшее по небу.

— Тоже мне, ученый... С неба милости дожидаешься. — На тонких губах Валентина шевельнулась язвительная усмешка.

— Отвяжись. Лежишь, как боров, валяешься на траве. Тебе, конечно, что.

— А что? Я при деле, — нисколько не обидевшись, сказал Валентин. — Радио у меня на всю деревню звучит. Не слышишь, что ли? Радиофургон в постоянной боевой готовности. Только вот ехать некуда, теперь сев закончили.

— Радио, радио. Что мне твое радио...

— Это твое личное дело — слушать или не слушать. А мое дело — содержать его в полном порядке. Только мне кажется, что такой некультурный в Анисимовке ты един.

Борис ничего не сказал на это.

По улице с визгом и хохотом пробежала стайка ёжишек, догонявшая Шарика. Тот держал что-то в зубах и во всю прыть несся по деревне, насколько позволяли ему короткие собачьи лапы.

— Опять спер что-то, — определил Валентин, провожая смеющимся взглядом убегающих. — Такие проделки у него бывают очень часто. Купаются ребята в реке, а он подкрадется из-за кустов, схватит чьи-либо штанки или там рубашонку, и вспоминай, как звали. Стасышил и бросит где-нибудь.

— Чей он? — спросил Борис.

— Да ничей. А недавно, — продолжал Валентин, — додумался юбку стащить у Веры, так та, бедняжка, два часа просидела в воде, пока Наташа ей не принесла. Наташка-то пришла на обед и увидела Верину юбку на крыльце. Ну и, конечно, сразу поняла, в чем тут дело. Шариковы проделки ей хорошо известны. Всем он насолил в деревне. Прошлый раз и у меня на огороде с пугала шапку стащил. Я, значит, полил грядки навозной жижей — сухота-то теперь, видишь, какая, полил и пугало поставил, думаю, сейчас полный порядок на огороде. А вечером гляжу — этот воришко с шапкой моей мчится по деревне. Стасышил ведь, стервец.

Борис, улыбаясь, с интересом слушал. Потом он вдруг схватил Валентина за плечо, возбужденно спросил:

— Чем, говоришь, полил свои грядки?

— Навозной жижей, — с недоумением на лице ответил тот.

Каштанов шлепнул ладонью по голой спине своего товарища, быстро вскочил на ноги и торопливо пошагал к правлению колхоза.

— Борька, ты чего взвинтился? — крикнул вслед Климушкин.

Тот махнул рукой и пошел еще быстрее.

II

Не найдя Крутогорова в правлении, Борис пошел к нему домой. Председатель в расшитой косоворотке одиноко сидел за столом. В руках у него ложка, на столе тарелка, над которой струился легкий парок.

— Приятного аппетита, Семен Игнатьевич! — ступив за порог, проговорил Борис. — Чего же вы одни трапезуете?

— Нету никого. Жена ушла в Согры канаву чистить, харчей с собой взяла, не придет, а Михаил за косилкой в город уехал.

В глазах председателя усталость.

— А ты чему рад? Клад с золотом где нашел, что ли? Вид у Бориса был воинственно веселый.

— Семен Игнатьевич! Идея у меня есть!

— Что за идея? — без особого энтузиазма спросил Крутогоров, продолжая есть.

— Идея — во! — Борис поднял кверху большой палец. — Только вот как лучше организовать, надо посоветоваться, а так дело верное. Семен Игнатьевич, надо полить ячмень навозной жижей, и он будет спасен!

Крутогоров на секунду перестал двигать челюстями и, подержав за щекой комок с пищевой, снова наклонился над тарелкой.

— Поливать двадцать гектаров? — помолчав, спросил он.

— А что?

— Ничего. Идея твоя нестоящая.

— Почему?

— Все затопчем, да и мыслимо ли дело — поля поливать? Моя жена вечером грядки поливает, и то ее целый час не дождешься, а тут...

Крутогоров уже смирился с мыслью, что в колхозе гибнет двадцать гектаров ячменя. После долгих, мучительных, но бесплодных поисков он сегодня решил забыть об этих двадцати гектарах, не видя возможности спасти их. Агрономова идея его не зажгла. Такого не бывало в жизни анисимовцев, а все то, с чем Семен Игнатьевич не был связан привычной крестьянской нитью, казалось ему ненадежным.

Засухи в Анисимовке были не часты, и здесь крестьяне, как и многие хлеборобы полосы, близкой к северу, большие боролись с водой, чем с засухой.

Он ждал от Каштанова какого-нибудь научного предложения, но, не дождавшись его, решил, что наука еще, видимо, не дошла до этого, и с сердечной болью смирился с несчастьем. Кроме того хозяйствский ум председателя не мог согласиться с предложением хотя бы потому, что издавна считалось непозволительным ходить по посевам. А тут — на тебе: весь колхоз будет топтаться на поле. Что от него останется?

Крутогоров отодвинул тарелку и, обтерев тыльной стороной ладони усы, достал кисет.

— Не дело ты говоришь, парень, нет, не дело.

— Так как же быть?

— Да так уж... Не у нас одних такое.

Борису стало обидно за себя. Думал обрадовать председателя, а тут... Ему казалось, что все эти дни они жили одними думами, а оказывается, он ошибался. «Не у нас одних такое»... Разве это резон?

— Семен Игнатьевич, а по-моему, все-таки надо по-лить. Вот вы говорите, что все стопчем, так все равно там ничего не вырастет.

— А зачем тогда трудодни тратить?

— Не надо трудодней!

— А как же?

— Комсомольцы выйдут!

Этот довод поставил Крутогорова в тупик.

— Делай как знаешь, — не найдя ничего другого, с сердцем проговорил Крутогоров.

Борис тотчас же метнулся к порогу.

III

— Веселей, девчата! — раздавался над полем звучный голос Наташи. — В сельмаге одеколона много! Покончим с жижей — и все в сельмаг!

На телегах были установлены бочки.

Девчата, тихо разъезжая по полю, зачерпывали лейками из бочек жижу и выливали ее прямо с телеги. На краю поля работал пожарный насос. Мысль, что старый насос может сослужить комсомольцам добрую службу, подал Валентин Климушкин.

— Все равно он стоит без дела, а мы полполя польем. Шланг-то, вишь, какой у него длиннущий!

Насос поставили возле большого чана, наполненного навозной жижей. Двое, взявшись за его ручки, качали, третий направлял шланг.

Зной все не спадал, было душно. Особенно доставалось Виктору Коробицыну. Этот толстяк изнемогал от жары. Раздевшись по пояс, он энергично работал рукой насоса на пару с Климушкиным.

— Что, Витенька, упарился? — крикнула Анюта, проезжая мимо на своем Савраске. — Это тебе не патефон, клубе крутить.

Виктор, бросив недружелюбный взгляд на злюзывчную Анюту, сердито проворчал:

— Не твое дело. Погоняй лучше Савраску-то.

— Что Савраска! Савраска как часы работает, он привычный, а вот некоторым молодым людям тяжеленько достается!

И хлопнув вожжой мерина, Анюта лихо покатила наполнять бочку.

— Дряны! — послал ей вдогонку Виктор и, надув щеки, усиленно нажал на ручку.

— Заело? — полюбопытствовал Климушкин.

Он не видел в этом разговоре ничего такого, на что бы можно было рассердиться, но у Виктора на этот счет были свои соображения. Виктор недолюбливал свою полноту, и всякое напоминание об этом было для него неприятным. Ведь он и сам знает, что его фигура неуклюжа, зачем еще говорить об этом?

Но не знал Виктор, что Анютка мстит ему...

В тот вечер, когда на улице исключили из комсомола Тольку, Анюта была недалеко и все слышала.

...Сердце Анюты Толька пленил своей бесшабашной дикой удалью.

Еще будучи десятилетней девчонкой, Анюта много слышала бабушкиных рассказов о ее былой молодости.

— Прежде-то как бывало, — рассказывала бабушка вьюжным зимним вечером, забравшись с внучкой на лежанку. — Соберутся наши анисимовские да шутихинские парни, да из Заболотья приедут на лошадях, и пойдет у них потеха. Сначала все вроде идет мирно да ладно: и хороводы ведут, и пляшут, и в «чей милый» играют (допрежь игра такая у нас была), а потом вдруг словно вихрь дунет. Наши анисимовские на шутихинских петухами наскакивают, те тоже сдачу дают, и не разберешь уже, где наши, где чужие. А больше всего из-за девок дрались...

— Как, бабушка, из-за девок? — спрашивала Анюта, придвигаясь поближе.

— А так, внученька. Наши-то анисимовские не хотели, чтобы шутихинцы с нашими девками гуляли. Ко мне вот двое подбивались: Кирька, наш деревенский, дедушка-то твой, ну и Никита из Шутихина тоже заглядывался на меня. А мы, бывало, и смотрим: кто кого измоловит. Который сильнее да ловчее окажется, тот твой и милый, за того и страдаешь. А иногда и сама Миленка своего вызволять кинешься.

— Это и есть игра в «чей милый»? — допытывалась Аньота.

— Да нет, вот ведь ты какая. Игра — это само по себе. Тут, внученька, не игра, а сраженье чистое. Бывало, смотришь, у парня кровь из носа в два ручья брызжет, а глазенки что-те угольки сверкают — победил! Вот и полюбился мне Кирька-то. Бесстрашный такой был. И все-то ему нипочем. Один на десятерых хаживал. А силища у него была — ужасты! Все его боялись, а он козырем ходил по деревне и шапку ни перед кем не ломал.

— Неужто, бабушка, тебе не страшно с таким было? А вдруг он и тебя...

— Что ты, девок разве бьют? Этого не бывает. Девка силу мужскую любит. Кто ловкач да удалец, тот для девушки и молодец. Так в старину-то бывало. Вырастешь — сама все узнаешь. Спи-ка, давай, разболталась я нынче.

Аньота притихает, но уснуть долго еще не может. Прижимаясь к бабушке, она мысленно представляет себе бесстрашного Кирьку.

Крепко запали в детское сердечко бабушкины молодцы.

Шли годы, росла и хорошила Аньота.

И вот она уже взрослая девушка, с зеленоватыми, бойкими глазами, с озорными кудряшками. Не один анисимовский парень вздыхал по Аньотиным глазкам, втайне лелея надежду на взаимность. Но она только сыпала насмешки. Ни один из них не был похож на бабушкиных молодцов. Не видела Аньота среди них тех горделивых красавцев, заносчивых ухарей, о которых так хорошо рассказывала бабушка. От быльих сражений остались только лишь петушиные.

И вот в деревню вернулся Толька.

Нельзя сказать, чтобы он полностью отвечал воображению Аньоты. Пожалуй, он даже некрасив: широкий нос, угрюмые, холодные глаза. Но то, что он не был похож на остальных, заставило Аньоту насторожиться.

С восхищением она следила за Толькиными проделками на вечеринках. Трепетный восторг овладевал ею, когда Толька ухарски врывался в клуб, сыпал направо и налево удары и потом уходил, все такой же гордый и независимый. Вот парень, так парень!

И такого парня отругали тихони, подобные Виктору? Да еще и Наташка с ними была!

...Возвращаясь с наполненной бочкой, Анюта опять проехала мимо этих ребят, и опять она не удержалась, чтобы не кольнуть обидчика (с некоторых пор друзья Тольки мысленно стали друзьями Анюты, враги его стали ее врагами — так уж она решила).

— Удивляюсь, — как бы рассуждая сама с собой, сказала Анюта. — Такая жара, а Савраска мой не вспомнил даже. До сего дня председателя возил, работа не тяжелая вроде бы, а тут на жижу поставили и ему хоть бы что. До чего же выносливый!

— Конь что те надо! — с готовностью разделил восхищение Анюты Валентин.

Виктор не взглянул даже на Анюту, только сильнее стал дергать ручку. Он-то знает, кому адресованы слова Анюты.

— Купаться-а! — опять раздался над полем голос Наташи.

IV

Вера шла налегке, с одним узелком.

Вещи свои в город она отправила еще позавчера, на попутной подводе. Чтобы избежать проводов, она выбрала такое время, когда в деревне никого не было — десять часов утра. Последний раз Вера с тоской взглянула на Толькин дом и вышла за окопицу, пустынную и безлюдную. Она надеялась убедить заведующего районо, что ее отъезд к матери необходим, и все эти дни твердила про себя одно: «Маме скучно, она одинока, за ней нужно сейчас ухаживать. И я должна быть возле нее — иначе какая же я буду дочь?»

Вера уцепилась за эту мысль и старалась заслонить ею все остальное, что не давало ей покоя.

Но это ей не совсем удавалось.

Последний поворот дороги, последняя анисимовская крыша спряталась за пригорком. Спустившись в низину, заросшую частым ивовым кустарником, Вера свернула в сторону, выбрала особенно ветвистый куст и села, охватив руками колени.

Тихая грусть обложила сердце. Хотелось припасть к земле, охватить ее руками и лежать долго-долго: может

быть день, может быть два, лежать без движения, без звука, наедине со своими горькими мыслями.

Зной высушил листья на иве; мягкие и шелковистые, они безжизненно висели на ветках. Вера сорвала один лист, легонько погладила его. Потом листочек выпал из рук. Она положила голову на колени.

Из этого состояния вывел ее послышавшийся из-за кустов непонятный шум. Она прислушалась и поняла, что шум слышен уже давно, только он не привлекал раньше ее внимания. Шум был похож на то, как будто кто-то большой и грузный ходил по болоту, вытаскивая ноги из грязи и тяжело пыхтя. «Что бы это могло быть? — подумала Вера и еще больше насторожилась. — И откуда тут грязь?»

Вера встала и пошла туда, откуда доносился шум. Вскоре за кустами мелькнула чья-то голая спина. Вера ускорила шаг.

Небольшая поляночка. Голый по пояс человек склонился над чем-то живым, копошившимся в грязи, пытаясь что-то вытащить.

...В низких местах встречаются такие грязи. Несколько крошечных, невидимых ключиков бьет из-под земли совсем рядом друг от друга. Просочившаяся на поверхность вода никуда не стекает, стоит на месте. В летнюю пору здесь густо зеленеет трава, в достатке снабжаемая влагой. Густой травяной покров скрывает под собой трясицу и часто животные, особенно неопытный молодняк, привлекаемые заманчивой зеленью, попадают в ловушку.

Вера вышла на полянку, глянула на полуголого человека и обмерла. То был Толька Коноплев. По накиданным прутьям он топтался около маленького беспомощного теленка, увязшего в грязи так глубоко, что виднелась только одна его голова. Толька пытался его вытащить: обхватывал руками шею и тянул кверху. Но ничего у него не получалось — сам увязал по колено.

— Леший тебя занес сюда, — ругался он.

Он выпрямился, продолжая озадаченно смотреть на теленка. Пот ручьями струился по его измученному лицу.

Вера, крайне удивленная, смотрела то на Тольку, то на теленка, ничего не понимая. Как теленок попал сюда? Кажется, и стада нигде близко нет. И почему возле него находится Толька?

Вдруг теленок забился, жалобно взмыкивая, потом уткнулся мордой в грязь и захрипел. Очевидно, его втягивало все глубже и глубже.

«Задохнется сейчас», — пронеслось в голове у Веры, и в тот же миг все, чем заполнено было ее сознание, отлетело на задний план, спряталось, сжалось в едва ощущимый комочек.

Увязая по колено в трясине, Вера бежала к Гольке.

— Прутьев, прутьев больше надо набросать вокруг него! — кричала Вера, задыхаясь от бега.

Толька быстро вскинул голову, растерянно заморгал глазами, руки его беспомощно повисли вдоль тела.

— Ты... вы почему здесь? — едва слышно прошептал он.

«А ты почему здесь?» — хотела было крикнуть Вера, но только пошевелила губами и махнула рукой.

— Давай скорей, вытащим его!

У двоих работа пошла скорее. Теленок был вызволен, его бережно перенесли на сухое место.

— Глупыш ты этакий, — ласково ворковала Вера, укладывая поудобнее теленка на траве. — Ну, зачем ты пошел сюда? Травка приманила? А? Эх, ты, несмышленыш! Испугался?

Теленок настолько был залеплен грязью, что было трудно определить, какой он масти. Только на лбу белела звездочка. Он устало дышал, то и дело вздрагивая своим щупленьким тельцем, ноздри его раздувались.

— Да ведь это Ягодка! — воскликнула Вера. — Она самая! Я ей и имя-то давала, когда она родилась.

И Вера старательно начала обтирать с нее грязь. Потом быстро выпрямилась и, оглядев себя, испуганно крикнула:

— Ой, что я наделала!

Нарядная сиреневая кофточка и голубая юбка были сплошь залеплены грязью.

V

Толька стоял чуть поодаль и без особого старания, а лишь для того, чтобы что-нибудь делать, тоже рассматривал свои брюки и босые ноги. Вид у него был смущенный и растерянный. Заметно, что он стыдится

своего поступка и совершенно не знает, как себя сейчас держать.

Он хотел спасти теленка втихомолку, вытащить из грязи и оставить его лежать под кустом, а после, в деревне, как-нибудь дать знать о нем.

— Как ты его нашел? Расскажи, — спросила Вера, травяным жгутиком обтирая юбку.

— Я его не искал... Купаться я ходил на реку, шел мимо, а он тут барахтается... Ну и... Стадо тут ходило с утра, наверно отился он от него, а пастухи не заметили...

Наклоняясь над юбкой, Вера украдкой посмотрела на Тольку. «Вот чудак! Чего он стыдится? Всегда так: хорошие дела делает втихомолку, один, дурные — при людях».

Вдруг Ягодка начала дрыгать ногами и биться головой о землю, хрюкая и выпучивая глаза.

— Ой, Толя, что с ней? Какбы она не умерла у нас. — Вера присела на корточки возле Ягодки. — Смотри, смотри! У нее глаза мутнеть начали!

Вера выпрямилась и с минуту что-то соображала. Потом быстро сбежала к своему узлу и начала его развязывать.

— Знаешь что? Мы его понесем на одеяле в деревню. Оставлять его больше тут ни на минуту нельзя. Понял?

Она разостлала на земле одеяло, потом, ухватив Ягодку за голову и передние ноги, приказала Тольке:

— Бери за задние, положим на одеяло.

Тот безмолвно подчинился.

Так они и пошли: Вера впереди, Толька сзади, между ними, покачиваясь на одеяле, как ребенок, лежала Ягодка.

— Легче ступай! — командовала Вера. — А то мы его трясем. Слышишь?

Толька молчал, нервно закусив губу, но ступать старался легче. Он не мог себе представить, как он пойдет по деревне. «Еще халат белый надеть... Санитар по желторотым телятам. Тьфу!»

Нервничая и проклиная себя, он никак не мог угодить в такт с Вериными шагами, отчего одеяло дергалось и Ягодка жалобно взмыкивала.

— Да что, у тебя ноги-то деревянные, что ли? — не

оборачиваясь, сердито ворчала Вера. — Ты в ногу старайся со мной ступать.

— Ладно уж, — огрызнулся Толька.

Он ненавидяще смотрел в затылок Веры и шептал про себя всевозможные ругательства.

«Милый, хороший...» — шептала Вера. Ей хотелось идти и идти без конца, ухватившись за углы одеяла, чувствовать сзади себя Толькин взгляд. «Хороший ты мой... Стыдишься доброты своей. Как я могу тебя оставить в Анисимовке одного? Никто тебя не знает, как я...»

Вера шла босая, купая ноги в горячей дорожной пыли. Туфли она сбросила еще тогда, когда побежала вытаскивать из грязи Ягодку, и теперь они лежали вместе с узлом на одеяле. И, может быть, от того, что она такая босоногая, в короткой, забрызганной грязью юбке, с растрепанными кудрями, почувствовала себя как-то легко и свободно. Мысли, наконец, встали в стройный порядок, и цель дальнейшего пребывания в Анисимовке вдруг ясно определилась.

— Зачем ты его руками дергаешь? — пряча радостную улыбку, спросила Вера. — Ягодку это беспокоит. Иди ровнее.

Толька молчал.

— Не забывай, что ты на руках живую душу несешь, а не чурбак какой-нибудь.

— Душа-то вроде бы не дорогая... телячья. — Толька криво ухмыльнулся.

— Не дорогая, говоришь? Зачем тогда в болото за неё бросился?

Толька не нашел, что ответить. В самом деле — зачем? И решил больше не говорить ни слова до конца.

И действительно, до самой деревни он больше не раскрыл рта.

У зоотехника дома стояли трое: сам зоотехник Потапов, Борис Каштанов и еще какой-то новенький, очень энергичный на вид, с живыми глазами паренек. На нем была белая шелковая рубашка, серые в полоску брюки. Белокурые, слегка выющиеся на висках волосы гладко и опрятно причесаны. На груди приколот комсомольский значок.

Толька живо определил, что этот новенький — городской.

Он готов был провалиться сквозь землю от стыда.

— Товарищ Потапов, вот, — проговорила Вера, осторожно кладя на землю Ягодку. — Нужно принять срочные меры.

— Что случилось? — Потапов подошел к Ягодке. В нескольких словах Вера объяснила, что случилось. Толька поспешил уйти.

— Анатолий! — окликнул его Борис.

Тот нехотя сделал несколько шагов обратно и принял выжидательную позу.

— Завтра тебе к трем часам на бюро райкома нужно прибыть. Вот извещение.

И Борис достал из кармана вчетверо сложенный листок.

Городской вопрошающе посмотрел сначала на Тольку, потом на Бориса.

— Так это и есть Коноплев? Чего ж ты меня не знакомишь, Борис?

И, стрельнув живыми, чуть прищуренными глазами по Тольке, подал руку:

— Будем знакомы: Соловьев Алеша, инструктор райкома комсомола.

Толька что-то невнятно пробормотал, вроде: черт ли мне, что ты инструктор, мне от этого ни тепло, ни холодно.

Инструктор будто бы и не заметил недружелюбности и, все так же продолжая улыбаться, проговорил:

— Ночевать сегодня к тебе приду. Пустишь или нет?

У Тольки глаза полезли на лоб от такой бесцеремонности, но что будешь делать, такой уж день сегодня.

— Приходи, места хватит.

VI

Чем дальше уходил Толька, тем сильнее овладевала Верой грусть. Она снова как и утром, когда покидала деревню, ощутила себя одинокой. Легкая и светлая радость быстро таяла, исчезала бесследно, и Вера не знала, вернется ли она к ней когда-либо снова. Ей не хотелось расставаться с этим чувством, но она не знала, как его удержать.

А он уходил, грубый, мрачный человек, уходил, не зная о том, что помог кому-то сегодня пережить счастливые минуты.

Вера, не отрываясь, смотрела ему вслед. Ей хотелось, чтобы он оглянулся и помахал рукой. Она знала, что этого не будет, и все-таки ждала.

Толька шел неторопливо, но споро, твердо ставя ноги. Своей походкой он как бы говорил всем, что ему нет ни до кого дела и что сам он не допустит чьего-либо посягательства на себя. Неожиданно он широко размахнулся и пнул ногой подсвинка, который жевал угол простыни, вывешенной на заборе. Подсвинок дико завизжал и, хромая, побежал по улице. Из окна дома высунулась чья-то голова, послышались ругательства, но Толька, не обращая на это внимания, пошел дальше, все так же гордо и независимо.

— Вот изувер! Зачем животное бить?

Вера оглянулась. Зоотехник Потапов, сердито шевеля усами, крутил цигарку. Скрутив, он откусил ее конец и со злостью выплюнул.

— Должен тебе сказать, товарищ инструктор, что вот в такой форме сей хлюст частенько появляется на улице, — проговорил он, показав рукой на удаляющегося Тольку.

Инструктор ничего не ответил на это. Лицо его утратило недавнюю живость и было сейчас сосредоточено.

— В другой-то форме его, пожалуй, никто и не видел, — в тон Потапову проговорил Борис. — Одна она у него.

— Видать, не зря его с Урала выперли.

— Таких не держат.

Вера молча слушала этот разговор. Ей казалось, что он очерняет те счастливые минуты, которые она сегодня пережила, и отдаляет возможность снова их пережить. Эти люди уверяли ее, что в Тольке нет того хорошего и доброго, что она видела. Она их ненавидела сейчас и не могла уйти от них, не сказав им чего-нибудь обидного.

— А вы воспитайте его, сделайте его таким же хорошим и умным, как сами. Что вам это стоит? — проговорила она, по очереди посмотрев на каждого из стоявших.

Она сознавала, что ей не следовало бы этого говорить не только потому, что слова эти ничего не изменят, но и потому, что они адресованы были людям, в общем-то, хорошим, не заслуживающим оскорблений.

— Вера, ты чего? — удивился Борис.

Потапов, очевидно, не уловивший иронии, безнадежно махнул рукой, дескать, горбатого только могила исправит, и снова повернулся к инструктору.

— Живет он уже здесь почти год, а к труду ни к какому не приспособился. Слоняется этакий дуб, только всем злю причиняет. Где он, там и скандал с дракой. Даже ребятишек маленьких не обходит. Чуть что — подзатыльник...

«А жгут? А Вася Полознев?» — хотелось возразить Веру, но она сдержалась.

— Ничего вы не знаете про него. Воспитатели... — тихо сказала она и пошла.

— Постойте, — задержал ее инструктор. — Ежели вы знаете — скажите нам. — Он как-то странно посмотрел на Веру, словно видел в ней своего единомышленника и ответ ее он просил не для себя, а для кого-то другого; которому он был нужен.

Вера ничего не сказала, ушла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В эти дни Анисимовка пустовала. В деревне можно было встретить лишь только деда Макара, степенно расхаживающего от дома к дому, из проулка в проулок, критически осматривающего анисимовские крыши: не покажется ли — упаси бог! — где-нибудь подозрительный дымок. В потускневших от глубокой старости глазах его столько важности, что можно подумать, что он тут сейчас в Анисимовке самый что ни есть главный гвоздь.

Сам Крутогоров сегодня утром сказал:

— Ну, Макар, принимай деревню — (так и сказал: принимай деревню). — Оставляем тебя здесь, почитай, одного, смотри, чтоб все было в порядке. В такую жару все может случиться. Ежели что, то вот тебе ключ от правления, беги на телефон и звони, вызывай пожарную команду. Понятно?

— Понятно, Семушка, как не понять, — отвечал дед Макар, принимая ключи от председателя.

— Слушай дальше, что надо делать. На Федяшкиных воротах я приказал вчера повесить лемех. Так вот:

ежели что — слышишь? — ежели что — жарь в тот лемех, что есть силы. Недалеко будем — услышим. Но только прежде пожарную команду вызови, потом к воротам.

— Все будет сполнено в аккурате, Семен Гнатыч!

Дед Макар глубоко в карман запрятал ключи и, чтобы еще раз удостовериться, не положил ли их мимо (бывает и такое), хлопнул по карману заскорузлой ладонью. Нет, ключи попали по назначению.

Расхаживая по деревне, он все время ощущал груз ключей в кармане. Груз не велик, да ответственность великая легла...

А люди в поле. Всходы ячменя, политые комсомольцами, за неделю зеленым ковром устлали землю.

Крутогоров, днем увидев перемены, происшедшие на поле, вечером до полуночи дымил махоркой у раскрыто окна. Он думал о Борисе, о ячмене и о себе. Его крестьянское сердце не могло не радоваться густо зеленеющим всходам ячменя, но эта радость казалась ему не своей, а украденной. Предложи бы агроном что-нибудь из того, что в книгах написано, он бы радовался за удачу вместе с ним, на одинаковых правах. Великое дело! Мысль эта не агрономова, а книжная. Книжки пишутся для всех. Но тут агроном предложил самое простое, крестьянское, о чем наверняка знал еще прадед Крутогорова. Ему бы самому сделать такое предложение, а тут он даже сопротивлялся. А дело-то, выходит, верное.

В ту ночь Крутогоров прилег вздремнуть всего на часок и с рассветом осторожно, чтобы не будить жену, вышел из дома. За воротами, что на выходе из деревни, он взял из табуна Пегашку и, не оседлав его, поехал по бригадам.

Сегодня все бригады уже третий день работали на своих полях. В каждой из бригад нашлись такие поля, которые нуждались в подкормке.

Ахнули колхозники, увидев, что дело, казавшееся поначалу таким невозможным, теперь идет полным ходом. В ход были пущены ведра, старые бочки, тазы, ковши, чаны. Лихо носились колхозные ЗИСы, развозя суперфосфат, калийку.

Неумолкающий грохот тракторов, взвизгивающее, надрывное гудение автомашин на взгорках, шумный,

многоголосый говор людей — все это слилось в единый ровный гул, который властно плыл над полями, и казалось, что этот гул надежно прикрыл землю от зноя и что обжигающие лучи солнца не доходят до нее, растворяются в густом рабочем гуле.

Семен Игнатьевич Крутогоров, скрипя новыми жестыми сандалиями, деловито сновал от бригады к бригаде, следил, чтобы не было огрехов, плешин, не полых жижей.

Его густоватый басок слышался то на одном конце поля, то на другом.

— Ну, Кузьминишина, добудем себе хлебца на зиму? — отпуская свою тяжелую руку на плечо какой-нибудь молодухи, спрашивал Крутогоров.

Та мнется, стараясь понять как можно лучше председательские слова — любит говорить Семен Игнатьевич заковыками.

— Как сказать, Семен Игнатьевич...

— Да так сказать, что руби, Кузьминишина, к осени новый амбар и готовь мешкотару. Хлеба возить не перевозить будет.

Кузьминична открыла рот, чтобы произнести неопределенное «кто ее знает», но председатель уже разговаривал с другой.

— Наташка-а! — опять слышится голос Семена Игнатьевича. — Агронома нашего не видела?

Наташа Русакова выпрямилась над бочкой и, сориентировавшись, показала рукой на край поля.

— В третью бригаду пошел, кажись.

Двойственное чувство ощущал Крутогоров к Борису Дело агроном знает. Семен Игнатьевич видел, с каким умением и старанием Борис организовал в эту весну парниковое хозяйство, ранее приносившее очень маленький доход. С молчаливым удовлетворением отметил про себя председатель настойчивость агронома при проправливании семян. Бригадиры не особенно охотно бралисъ за это дело — хлопотно, многодельно, в этом году непротравленными семенами не сеяли. Агроном убедил председателя и бригадиров, что выравнивание поверхности поля перед посевом льна повышает всхожесть до двенадцати процентов, а значит повышает и урожайность.

Крестьянская, хозяйственная натура Крутогорова, всеми корнями уходящая в анисимовскую землю, не мог

противиться стараниям Бориса. Семен Игнатьевич видел, что агроном, хотя и молодой парнишка, но толк в земле знает не хуже старииков, не хуже, чем он сам.

Вот тут-то и начиналось раздвоение. Как? Семен Игнатьевич всю жизнь прожил и только потом постиг земельную мудрость. На этой земле он батрачил, она вытягивала из него жилы, сушила руки. Но и тогда, в тяжелые годы, щедро поливая крестьянским потом земля-кормилица была мила и по-родному дорога. Советская власть принесла освобождение и поставила Семена Игнатьевича хозяином над землей. Трудись и хозяйствуй!

Трудился и хозяйствовал он, сознавая свое полное право на это. Выдвижение в председатели он воспринял как должное, потому что был глубоко убежден: председателем колхоза должен быть человек от земли.

А тут пришел безусый юнец и хозяйствует с таким же правом, как и он, и судит обо всем по-хозяйски умно. Стало быть, совсем не нужна та большая жизненная школа, которую прошел Семен Игнатьевич? Достаточно поучиться в техникуме три года и получай всю крестьянскую науку, готовеньку? Ну, разве это справедливо?

Крутогоров никак не мог согласиться с этим и все время ждал случая, чтобы доказать Борису свое превосходство над ним. «Оно, конечно, по книгам ты ученее меня будешь, а все же в колхозной жизни больше тебя смыслю».

II

Семен Игнатьевич уже подходил к участку, где работала третья бригада. По бокам канавы, разделявшей поля, с той и другой стороны росли молодые березки, кусты шиповника и можжевельника.

Семен Игнатьевич с легкостью, не подходящей к его летам, перепрыгнул канаву и тут увидел такое, что заставило его в недоумении остановиться.

Под кустом, разметав руки и склонив немного голову к плечу, лежал Борис и мерно похрапывал. Спал он, очевидно, очень крепко, потому что на лбу его сидели две большие мухи и он не чувствовал их укусов. Только брови инстинктивно вздрагивали. Рядом лежал раскрытый блокнот.

— Так вот какое ты место себе нашел. Удобное, нечего сказать, — вслух произнес Семен Игнатьевич.

По тому, что голова Бориса находится не в тени, а на солнце, Крутогоров определил, что агроном спит уже не меньше часа. Ведь ложился он непременно в тени, а теперь она сдвинулась не меньше, чем на полметра.

— Нет, каков все-таки, — в сердцах проговорил Семен Игнатьевич, выпрямляясь.

На носу у Бориса выступили бусинки пота, по темной от загара и пыли щеке тихонько ползла мутноватая капелька, оставляя за собой светлую дорожку, обветренные, растрескавшиеся губы слегка вздрагивали. Штанина на правой ноге задралась до колена, обнажив суховатую и белую голень. Присев на корточки, Семен Игнатьевич снова принял рассмотривать истомленное худое лицо Бориса, его устало разбросанные руки, и тут к сердцу его подступила тихая отцовская жалость.

На неширокой мальчишеской ладони разовела большая мозоль, а на пальцах у ногтей запеклись маленькие капельки крови. Это — заусеницы.

В горячке этих полных напряжения дней Семен Игнатьевич не видел, как много приходится работать Борису. Агроном и поля все обошел, чтобы определить участки, особо нуждающиеся в подкормке, и жижу приготовлял, и ездил в райцентр за суперфосфатом.

Отправляя машину за удобрениями, Семен Игнатьевич не задумывался над тем, что им троим: шоферу, кладовщику Степе и Борису — будет трудно справляться с погрузкой и разгрузкой. Где же людей взять?

Пять раз ездил Борис за удобрениями, много мешков с калийкой перешло через его руки, и сейчас Семен Игнатьевич вспомнил, что Борис ни разу не обратился к нему за помощью, что-де тяжело им троим справиться.

Семен Игнатьевич почувствовал, что в эту минуту он открыл для себя в Борисе что-то новое, никак не увязывающееся с его представлением о Борисовой школе...

Он смахнул с лица Бориса мух. Тот открыл глаза.

III

Борис сел. Не смотря в сторону Семена Игнатьевича, он тихо, но с оттенком вызова, сказал:

— Ругаться будешь, председатель?

Крутогоров, затаив под усами улыбку, подтягивал пояс.

— А если буду, так что?

— Ничего.

— То-то, ничего. По какому такому праву средь бела дня спать решил?

«Зачем я так говорю?» — подумал про себя Крутогоров, чувствуя, что сказал не то, что думал, когда глядел на спящего Бориса.

Борис мял в зубах прошлогоднюю белую травинку и ничего не отвечал председателю.

Его свалила жара и усталость, которая взяла верх после трех проведенных почти без сна ночей. Комсомольское собрание, затем поездка в город за удобрениями.

Вчера утром они выехали в город с рассветом, чтобы пораньше занять очередь у склада. Но получили только к вечеру. Обратный путь был с происшествиями. Мост через Шептунку оказался поврежденным, и шофер не решился ехать через него с грузом. Втроем они перенесли через мост три тонны калийной соли на своих плечах. Разгруженный ЗИС прошел по мосту благополучно. Но вскоре опять произошла заминка: лопнул баллон. Пока заклеивали дыру, спустилась ночь. В Анисимовку приехали перед рассветом. Борис чуточку вздрогнул и побежал в поле, да там и остался до обеда. После обеда выяснилось, что надо подбросить калийки еще, и он, уединившись в тень, решил точно подсчитать, сколько потребуется тонн. Незаметно заснул.

— Ну что ж, вызывайте на правление, — вставая из-под куста, проговорил Борис и пошел, приглаживая на ходу взлохмаченные волосы.

— Борис! — крикнул Крутогоров, но тот не повернулся головы.

Каштанов шел по краю поля, помахивая сорванной веточкой бересклета. Он понимал, что грех, совершенный им, не так уж велик, но все же разговор с председателем вызвал в нем чувство досады на себя. Выйдя на полевую дорогу, Борис остановился, вытер рукавом пот со лба и сел на обочине.

Вдали показалась автомашина, и вскоре она промчалась у него за спиной, окутав Бориса густой пылью, пропитанной запахом перегоревшего бензина. Выругав-

шись, он торопливо закрыл лицо ладонями. Но гул мотора притих. Хлопнула дверка кабинки, и в клубах пыли показалась человеческая фигура. Взвыл мотор, и пыльный хвост потянулся дальше.

К Каштанову подошел Филатов.

— День добрый, — проговорил он, тоже отдуваясь от пыли.

— Здравствуйте.

— Ты чего расселся тут, как турецкий игумен? Нашел место.

— Сел вот и сижу, — Борис вынул платок и протер глаза.

После того собрания, на котором хотели обсуждать Тольку, они с Филатовым ни разу не виделись. Как и предполагал Борис, Толька на собрание не пришел, и Филатов предложил тогда направить материалы о нем в райком. В горячке дней мысли о Коноплеве не приходили, и только теперь, встретив партийного секретаря, Борис вспомнил о нем.

До начала собрания Филатов сказал Борису, что позиция, занятая им, в основном, правильная. Но в основном — это как-то слишком общо и расплывчато. Значит, есть какие-то частности, которые не правильны? На этот вопрос Филатов тогда ответил, что собрание покажет. Но Толька не пришел, и собрание ничего не показало. Неправильные частности остались для Бориса неизвестными.

Окинув взором поле с людьми, Кузьма Афанасьевич проговорил:

— Что-те муравейник разворошили. Гудит земля.

— Гудит, — согласился Борис.

— Силища!

— Да.

— А ты чего надулся? Чем не доволен?

Борис ничего не ответил. Да и что он мог сказать? Чем он недоволен? С собой немножко. Так это пустяки.

— Приехал Толька с бюро. Не утвердили наше решение, оставили в комсомоле, — сообщил Филатов.

— Это почему же? — насторожился Борис.

— Да вот не утвердили. И правильно сделали.

— Я вас не понимаю, Кузьма Афанасьевич. Тогда на собрании согласились с нами, а теперь говорите: правильно сделали! — недоумевал Борис.

— Да, брат, бывает и так... Ты чем намерен сейчас заняться?

— Во вторую бригаду пойду. Звено Наташкино там работает.

— Пойдем вместе. И я посмотрю, как у соседей дела идут.

И они пошли по пыльной дороге: кряжистый Филатов ступал уверенно и нечасто, Борис же семенил рядом с ним, как школьник. Широкие, но короткие штанины колыхались над белыми лодыжками.

IV

— Я тебе расскажу историю одну, а ты слушай и смекай, что в ней к нашему делу относится, — проговорил Кузьма Афанасьевич.

Для того, чтобы попасть во вторую бригаду, нужно было пройти небольшим березничком два километра, затем пересечь лужок и после уже по тропинке выйти в Грачинае поле, где работала вторая бригада.

Борис приготовился слушать.

— Когда мне было лет десять или двенадцать, точно не помню, был со мной такой случай, — неторопливо начал Кузьма Афанасьевич. Глаза его мечтательно сощурились. — И этот случай запомнился мне на всю жизнь. Теперь диву даюсь, до чего отец у меня правильный мужик был. Тогда я по своему детскому умишку в большой обиде на него остался, а теперь всегда вспоминаю с благодарностью. Надо сказать — озорным я рос чальчиконкой. И таких, как я, сорванцов, тогда в Анисимовке было не меньше тридцати. Отцы, матери да старшие братья с утра до вечера на работе, некому за нами смотреть, ну а мы, пока наша очередь не пришла в поле идти, и творим свои дела. Расстелет бабка холсты на солнце белить, а мы наберем углей и давай на тех холстах в четырех правилах арифметики упражняться. Так наупражняемся, что холсты из белых пестрыми становятся. Или еще. Растил мужик хмель на огороде, чтобы пива себе осенью наварить, только и радости-то у него. А мы как начнем в войну с япошками играть, то неизменно в том хмелю засаду устраиваем... И так крепко эту засаду выбиваем, что вместе с япошками и хмель поражение терпит. На репу ли набег сделать или дать

козлу табаку понюхать — наше дело. И во всех этих проказах я главарем был. А один раз что устроил. В ту пору самовары в деревне редко у кого были. Помню, первым у нас в Анисимовке Степка Алексахин самовар купил. И любил он похвастаться своей покупкой. Поставит самовар на стол и окно откроет, чтобы все видели, как он чай распивает. Вот раз идем мы мимо Степкиного дома и видим эту самую картину. Я и говорю ребятам: «Хотите посмотреть, как чайник полетит с самовара?» А сам камень в руке держу. А те, значит: «Гайка у тебя слаба, чтобы в чайник попасть». «Слаба? — говорю. — А вот смотрите!» И как махнул, так тот чайник словно ветром сдунуло. Ну, понятное дело, шум поднялся на всю деревню. Но только виновника все равно не нашли. Что и говорить — всем мы насолили. Однако добрались отцовские руки и до нас. Только мне все пока сходило с рук, потому — я умел следы замечать. Видят мои товарищи, что их спины в красных рубцах, а мне ничего, и крепко изобиделись на меня. Выходит — мои проделки на их спинах отражаются. Разве это справедливо?

Кузьма Афанасьевич на минуту умолк, несколько замедлил шаги. Казалось, он весь ушел в свои воспоминания, не замечая рядом идущего Бориса. Борис не стал тревожить его своими вопросами и, осторожно ступая, ждал, когда Кузьма Афанасьевич продолжит сам.

— Ну и вот, стал я замечать, что ребята сторониться меня начали. Вымыслы мои неохотно поддерживают, и все стараются играть без меня. Разозлился я тогда. «Девчонки вы, говорю, все! Вам бы цыплят пасти!» И ушел. Думаю, соскучатся они по мне и придут. День хожу один, два хожу, неделю — и все по-прежнему. Потапо мне сделалось тогда. Разревелся я и пришел к отцу. Уткнулся своей слезливой мордой ему в бороду и скулю: «Тятька, ребята со мной не играют. Скушно мне...» Ничего не говорит отец, только за ухо легонько треплет. Дошли до его сердца мои слезы, наверное, и очень хорошо он понял в ту пору, в чем тут главная причина кроется. Отстранил он меня от своей бороды, посмотрел в глаза строго-строго и говорит: «Я тебе в этом деле помощником быть не могу. Сам ты отбился от дружков своих, сам иди к ним. Иди-ка, брат, иди». Что тогда со мной было. Уж лучше бы он метлой меня отстегал! Забрался я в сарай, целый день лежал там и плакал.

Все соображал, как бы отомстить ребятам и отцу. И чего только я не придумывал! И все-таки мне пришлось идти с повинной головой на улицу. Ох, и тяжело было...

Кузьма Афанасьевич замолчал. Молчал и Борис.

— Ну, смозговал, что тут к нашему делу относится? — широко и доброжелательно улыбнулся парторг.

— Не совсем, Кузьма Афанасьевич, — признался Борис.

— Эх, ты. Ну, слушай тогда. Только, значит, вы исключили и сказали ему: «Не нужен ты нам, такой-сякой». И ручки умыли, дескать, благое дело сделали, комсомол от скверны очистили. А в райкоме мозговитее ребята сидят. Там ему сказали: «Шалишь, брат. Уйти легче всего. Тебе это и надо. Потому — спрос с тебя меньше будет, не комсомолец. Нет, ты иди в Анисимовку к ребятам, да поработай с ними. А за твои безобразия мы тебе выговор». Вот тут-то, Боря, самый гвоздь и сидит. Нет большего испытания для человека, как вернуться в тот коллектив, который раньше презирал. Ты думаешь, для чего я тебе эту притчу рассказывал?.. Вплотную к Толькиному делу она подходит...

Сонливую тишину березовой рощицы тревожил делавитый рокот трактора, доносившийся с поля. Он вытеснял ее с земли, гнал к небу, туда, где в неподвижной задумчивости застыли кудреватые белые барабашки — облака.

В уголках обветренных губ Кузьмы Афанасьевича затеплилась внутренняя, понятная ему одному улыбка.

— Когда я смотрю на комсомольского секретаря, мне становится как-то особенно хорошо. Такой, как и все, молодой, а иногда и совсем сопливый парнишка. Посмотришь на такого и подумаешь: а какое ты право имеешь других уму-разуму учить? Сам-то ты больше своих товарищей жизни видел? Ведь с пеленок бок о бок ты с ними рос и дальше, скажем, своей Анисимовки или там Федосихи не бывал. А присмотришься поближе и выходит, что душа у этого парня богаче и шире. А раз ты душевный человек, растешь с понятием и рассуждением, то тебе и полное право другими душами ворочать. И еще вот что: учиться вам надо друг у друга. Видел, как инструктор полдня и вечер около Тольки терся да и ночевать у него остался? Думается мне, что он лучше нашего разобрался в Толькиной душе, чем вы,

отчего и решение-то райкома пошло в разрез с вашим.. Ну, вот, кажется, мы и пришли.

На краю поля стоял чан и Аркашка Черемухин отромным ковшом черпал из него жижу.

V

Аркашка, наполнив Анюте бочку, уставился на пришедших. На его пухлом бледном лице, как две ягоды смородины, чернели маленькие добродушные глазки.

— Никак в гости пожаловали, Кузьма Афанасьевич?

— В гости. А ты вроде бы не особенно и рад, Аркадий?

Аркашка смутился. Не умел он вести разговоры с теми, кто в начальстве ходит. Всегда ляпнет что-нибудь несуразное, а потом и мнется, как красная девица. Вот и сейчас: зачем о каких-то гостях разговор завел? Какие тут гости. Просто люди пришли по делу.

— Как же, Кузьма Афанасьевич. Милости просим. Чем богаты, тем и рады.

«Парень-простак. К Тольке прилип случайно», — подумал Борис. Ему стало почему-то жалко Аркашку, и он решил помочь ему выйти из такого затруднительного положения, перевести разговор на другое.

Возле Савраски неторопливо расхаживала Анюта и поправляла упряжь. Ей уже можно было ехать опораживать свою бочку, но она медлила. По коротким, торжествующим взглядам, бросаемым из-за головы лошади, Борис понял, что Анюта тоже успела узнать, с какими результатами приехал Толька с бюро.

«Что, не взяла ваша?» — читал Борис в ее глазах.

Бориса немного смешило это наивное ликование.

«Нет, взяла все равно наша», — отвечал Борис.

«А вот не ваша...»

— Анюта, голубые сережки нынче не в моде. Да и не идут они тебе. Советую сменить на зеленые. — Борис решил прервать этот немой разговор и окончательно развенчать Анюту.

По случаю такого радостного дня Анюта действительно нацепила громадные сережки, оттягивающие мочки.

На совет Бориса Анюта не сразу нашла, что ответить. Она попыталась улыбнуться, но улыбка не получила.

лась. Получилась растерянная гримаса. Тряхнув кудряшками, Анюта круто повернулась к Савраске и, ничего не говоря, стала взбираться ему на спину.

— Много ты понимаешь... Не для тебя мои сережки, ты и не трогай их, — насупившись, проговорила она, когда отъехала несколько метров. — Указчик нашелся. Указчику кляп за щеку.

Кузьма Афанасьевич громко захохотал, вслед за ним и Аркашка, закинув голову, рассыпался густым, рокочущим басом.

— Видал? Под орех нашего комсорга Анюта разделяла! — восхищался Кузьма Афанасьевич.

Борис молчал. Нахохотавшись вдоволь, Кузьма Афанасьевич тронул его за рукав:

— Пойдем, парень, дальше, а то Анюта снова сейчас приедет. Не миновать беды.

— Да ну ее! — стараясь казаться равнодушным, нараспев проговорил Борис.

— Вот тебе и ну ее!

Кузьма Афанасьевич не знал отайной привязанности Анюты к Тольке, и дерзкий ее ответ его просто развеселил.

Для Бориса же колкий, смешливо-ликийший взгляд Анюты, празднично посверкивающие сережки и этот горделиво приподнятый облупившийся носик были наполнены другим смыслом. Он давно знал, что Анюта любит Тольку, любит упрямо, до самозабвения, даже не надеясь на взаимность. Но сейчас он увидел, что ее любовь гораздо сильнее, чем это ему казалось. Это поразило Бориса. Он считал, что Анюта легкомысленная девушка.

Занятый своими думами, он не заметил, что они вышли на средину поля. Работа здесь подходила к концу. Кузьма Афанасьевич присел на корточки и внимательно стал рассматривать молодые росточки, примятые телегой. Он расправил один из них и попробовал, прочно ли росток сидит в земле. Попробовал другой, третий и, наконец, нашел такой, который легко отделился. Корешки у него были оборваны.

Филатов поднес его близко к глазам, и Борис увидел, как жалостливо смотрит он на погибший росток. Вот так же, наверное, ходили его отец и дед на свою полосу и с тоской смотрели на поблекшие от зноя ростки.

— Это не страшно, Кузьма Афанасьевич, — проговорил Борис. — Если бы не подкормить — потеряли бы больше.

— Понятное дело, Боря.

Кузьма Афанасьевич выпрямился, одернул рубашку, они пересекли поле и пошли по обочине, где вилась чуть заметная тропинка. Поравнялись с людьми. Ближе других к тропинке работала мать Тольки Коноплева.

— Здравствуй, Лукьянновна! — приветствовал Кузьма Афанасьевич.

Лукьянновна, оторвавшись от бумажного мешка с каликой, медленно разогнула спину. Ее клетчатый платок сбился на затылок и прядка седых волос повисла вдоль шелушившейся, землистой щеки. Усталые руки остались полусогнутыми, и кисти, огрубевшие, растрескавшиеся, сиротливо повисли.

— Здравствуйте, — голос Лукьянновны был сиплый.

Кузьма Афанасьевич неотрывно смотрел на руки Лукьянновны, и в глазах его блеснул недобрый огонек. Борису показалось, что Кузьма Афанасьевич видит больше, нежели эти руки, и недобрые огоньки относятся к тому далекому, о чем думал он сейчас.

— Трудно, Лукьянновна? — в голосе Филатова чувствовалось тепло и дружеское участие.

— Наше дело привышное, — она слабо улыбнулась.

— Ну, ничего, скоро отдохнем. Вот только закончим подкормку.

Когда они немного отошли, Кузьма Афанасьевич положил руку на плечо Борису.

— Ты видел руки Лукьянновны? Видел? Если не видел — вернись и посмотри! Каким же надо сукиным сыном быть, чтобы, имея силу и здоровье, жить на их издивении! Каково, а?

Дальше шли молча, думая об одном и том же, каждый по-своему.

Кузьма Афанасьевич осуждал Толькину жизнь. Толькин отец был его другом. Вместе воевали, вместе дошли с боями до Вислы. Там, на высоком берегу, под старым ветвистым дубом, довелось Кузьме Афанасьевичу похоронить своего друга. И так-то Толька хранит память об отце, так помогает исстрадавшейся матери?

Борис же старался хорошенько осмыслить все увиденное и услышанное.

Над полем плыли звуки музыки. Борис давно их слышал, но за разговорами не придавал значения, считая, что музыка доносится из деревни. Но теперь, когда очень отчетливо зазвучала мелодия песни, он вдруг понял, откуда она исходит: «Да ведь это Валька со своим фургоном приехал! Где же он?»

— Слышите, Кузьма Афанасьевич! Культура!

— Да, ничего не скажешь... Ну, мне пора восьсяи. Они попрощались.

Борис быстро разыскал Валентина. На высокой березе блестел белый репродуктор, а радиоприемник был отнесен в лесочек, метров за десять от поля. Около приемника стояли Валентин и Наташа и о чем-то спорили. Борис остановился.

— Музыки надо больше, Наташа. Ты видишь, какая жара? Люди утомляются, а музыка, она бодрости прибавляет. Как ты не можешь понять этого? — поправляя волосы, говорил Валентин.

«Спор, значит, не на шутку», — определил Борис, стоя за березкой.

— Музыка? Так зачем тебе приемник потребовался? Патефона за милую душу хватило бы. Нет, серьезно, раз ты привез его, так давай политические передачи! — и Наташа потянулась к настройке приемника, но Валентин, видимо уже не в первый раз, отвел ее руку.

— Да зачем колхознику сейчас эта политика? На собраниях — политика, на лекциях — политика. Ее надо слушать утром, натощак, а не теперь. Ты меня не учи. Я около этого дела уже пятый год.

— Ну и что же из этого? Поставлю на комсомольском собрании вопрос о тебе, тогда узнаешь, серьезно...

— Наташенька, зачем такие разговоры? Ну, зачем? — Валентин хотел было обнять Наташу.

— Ты что?.. — она сняла с плеча руку и строго на него посмотрела. — Люди работают, пот проливают, а он шашни разводит.

— Бездельем ты меня не упрекай. Работал я с вами же. А сегодня от Филатова приказ поступил выехать с приемником, и сегодня я тоже при деле.

— Ну так и исполняй его, как полагается.

— Я и исполняю.

— Нет, не исполняешь!

— Нет, исполняю!

Наступило молчание. Валентин влюбленно смотрит на Наташу и чуть заметно шевелит губами. На лице его тень глубокой тоски.

«Наташа», — шепнули его губы. Та вдруг звонко захохотала.

— Ты что, язык прикусил? Шевелишь губами, как дед Макар, когда выпивши бывает. Ну, чего молчишь?.. А?..

Наташа притихла так же быстро и неожиданно, как и захохотала. «Вечером приходи, к Черемушкам» — полушепотом сказала она и быстрыми шагами пошла прямо на Бориса. Увидев его, крикнула «ой» и что есть духу побежала по полю к девчатам.

Борису ничего не оставалось сделать, как подойти к Валентину. Тот встретил его сердито.

— Ты чего тут подглядываешь?

— Я не подглядываю. Шел мимо... — Борис не мог спрятать улыбку. Большая, могучая радость щипала его сердце, и ему хотелось, чтобы она, непонятная, не проходила как можно дольше.

— Это свинство, — не унимался Валентин. — Тебе это так не пройдет.

— Да брось ты, Валька... Я бы такую девку целовал без счету раз, у всего района на виду. Ну чего ты взбеленился?

Валентин притих.

— Хороша? Нравится? — и вдруг, схватив Бориса в охапку, он стал его мять, возбужденно хохоча. — А я тебе не отдам ее! Понял? Не отдам, не засматривайся на чужих!

Кое-как вывернувшись из клещей, Борис пошел вслед за Наташей в поле.

— Черти, сильно полили, — проговорил Борис, увидев большой участок поля, отличавшийся особенной чернотой. — Поляжет пшеница, перекормили. Ведь показано было утром.

Неожиданно вспомнилось: «указчику кляп за щеку». Аньют! Ему вновь представилось с вызовом приподнятое лицо, поблескивающие сережки, и он почему-то пожалел, что их спор так быстро кончился. «А мы еще поспорим!» Думая об Аньете, Борис почувствовал, что между ей и этой большой радостью, беспринципно охватившей его сейчас, существует какая-то связь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Отбарабанили по крышам первые капли дождя, выглянуло из-за туч повеселевшее солнце. Чистое, словно умытое дождем, оно ласково глядело на Анисимовку, как бы спрашивая: «Ну, как вам, товарищи, дышится?» А дышалось удивительно легко. После душных дней, когда всякая живность на земле томилась в обжигающем зное, воздух наполнился живительным, освежающим ароматом. От полей, вдруг ярко зазеленевших, исходил чуть заметный, легкий и благодатный пар.

По улице, шлепая босыми ногами, идет Анюта. На ней короткое, васильковое платье, сшитое еще тогда, когда она была подростком. Голенастая Анюта идет по средине улицы, нарочно забредая в самые глубокие лужи.

— Вот дурашная девка, совсем ошалела, — покачал головой дед Макар, который вышел на крылечко выкупить трубку. — Пряником через лужи прет. Что-те трактор!

У Наташкиного дома росла старая раскидистая черемуха. Далеко за ограду, почти до средины улицы, протянулись ее ветви. С листвьев, весело позванивая, падали дождевые капли.

Анюта дотянулась рукой до нижней ветки и резко потянула ее вниз. Градом посыпались на нее холодные капли. Они падали ей за ворот и вызывали зябкую, но приятную дрожь во всем теле.

Анюта, продолжая дергать ветку, стояла, зажмутившись от удовольствия.

Вспугнутая шелестом листвы, с черемухи слетела озорная стайка воробьев и, покружившись над дорогой, с веселым чириканьем разместилась на антенне радиоузла.

Хлопнула калитка, и на улицу вышла Наташа. Увидев Анюту за таким занятием, она изобразила на своем лице удивление.

— Люди добрые, посмотрите только на эту сумасшедшую!

Анюта, на миг открыв глаза, снова зажмурилась и восхищенно протянула:

— Вот это ду-уш!

Наташа с минуту смотрит на ее дурачество. Пожалуй, и она бы не прочь постоять рядом с ней.

— Ну, хватит тебе. Пойдем, — нетерпеливо говорит Наташа.

Анюта, насквозь промокшая, отпускает ветку и подхватывает под руку Наташу. «Пойдем».

— Ой! Не прикасайся ко мне, — испуганно вскрикивает Наташа, отстраняясь от Анюты. — Ты холодная и мокрая, как лягушка.

Та возбужденно хохочет, ближе прижимается к Наташе и, очевидно, решив, что и этого не достаточно, обвивается руками вокруг ее талии.

— Пусти! — вырываются Наташа, но безуспешно. Задраженная озорством подруги, она хватает свисающий прут березы и, обдав себя и Анюту холодной влагой; громко хохочет, захлебываясь от обжигающего наслаждения.

Из переулка вышли ребята. Среди них Климушкин и Коробицын. У завклуба на спине новая гармонь с перламутровыми пуговицами.

— Гляньте-ка, ребята, как наши девки дурачатся, — кивнув головой на Наташу и Анюту, проговорил Валентин Климушкин.

— Витя-а! — не обращая внимания на реплику, крикнула Наташа. — Чего ты музыку-то на плечах носишь? Ну-ка, растяни, раззуди девичье сердечко.

— Оно и так раззужено у вас, — как всегда степенным баском проговорил Виктор, поправляя свою пышную шевелюру.

— Раззужено, да не совсем! Ну? — Наташа срывает над забором желтый одуванчик и прикалывает на грудь Виктору.

— Я тебе как лучшему гармонисту и цветы, и всякие другие уважения, а ты не хочешь. Ну, сыграй!

Польщенный таким вниманием, Виктор растянул гармонь.

Гармониста не любила
Все не приходилося,
А теперь я в гармониста
По уши влюбилась! —

взвился к вершинам высоких тополей звонкий голос Наташи. Она идет рядом с Валентином, но внимания на

него не обращает никакого. Пусть не важничает. Подумашь — радиотехник. Хоть она и разрешает ему провожать себя до клуба, но это не значит, что уже и все, что она растаяла перед ним.

Наташа нарочно подбирает такие песни, чтобы заснуть за живое Валентина:

Голубые глазки злые,
Карие — лукавые.
Лучше глазки серые,
Для любови смелые!

У Виктора глаза серые, об этом хорошо знал Валентин.

Хмурился Валентин, полные щеки Виктора розовели, вовсю заливалась его гармонь, стараясь лучше подыграть Наташе.

Подошли к правлению колхоза.

Здесь тоже собралась большая группа, такая же шумная, многоголосая. На крыльце Борис гремел лопатами.

II

Когда все собрались, Борис раздал лопаты.

— Ну, братцы, айда.

Лопаты были подняты на плечо, как винтовки.

— Постой, постой! — остановил всех Виктор. Наташкины частушки зажгли в нем веселость, что бывало с ним не часто. — Ты вроде бы за командира у нас, — проговорил он, повернувшись к Борису. — А мы, все как есть, с этими тупоносыми штыками в атаку двинулись. Речь держи!

— Какую речь, ребята? Сроду не держал, — отнекивался Борис.

— Речь! — настаивал Виктор. — А то как же, без речи мы не сможем идти.

И под одобрительные возгласы Бориса выпихнули на высокое крыльце правления колхоза.

Борис, чувствуя приподнятое настроение ребят, решил, что он должен сейчас сказать что-то такое, что окончательно бы их развеселило.

— Ну, черт с вами, держу!

— Во!

— Валяй!

Борис ухватился за перила крыльца.

— То, что идем сейчас рыть сilosную яму, вс
знаете?

— Знаем! Сыпли дальше.

Борис сжал кулак и потряс им перед собой:

— Так выроем же эту silosную яму, чтобы наши
потомки ходили и дивились: до чего же их предки ста
рательные люди были, живота своего не жалели...

Борис спрыгнул с крыльца на землю, и вся шумная
веселая ватага двинулась вдоль деревни.

С кудахтаньем разбегались куры, вышедшие попить
свежей водицы из луж, степенно уходили с дороги не
довольные гуси.

А песня, молодая, голосистая, полная удали и моло
дого счастья, плыла впереди, вместе с шаловливым ве
терком врывалась в открытые окна, вызывала радост
ную улыбку.

...Босоногий, в клетчатой рубашке, выбившейся из
под брюк, Толька работал возле своего дома. Он рыл
бороздку, чтобы отвести в канаву воду из лужи, обра
зовавшейся под окнами. Увлеченный своим занятием,
Толька мало обращал внимания на доносившуюся песню
и поднял от работы голову уже тогда, когда толпа ре
бят и девушек поравнялась с его домом.

Песня прервалась, гармонь затихла, толпа останови
лась.

— Привет, Толя! — крикнул кто-то. — Все трудишься?

— Здорово, — Толька положил ладони на черенок ло
паты и с любопытством стал разглядывать пришедших.

После бюро прошло дней десять. За этот период
Толька не выходил никуда. Он пытался вновь обрести
прежнее чувство независимости и превосходства над все
ми анисимовскими ребятами, как это было зимой и вес
ной. Но это не совсем удавалось, отчего Толька злился
на себя, считая, что он начал дрябнуть, как репа после
первых же заморозков.

То, что не исключили из комсомола, Тольку удивило.
Почему? Ведь ни о каких его хороших качествах на
бюро не говорили, а все больше ругали. А раз он вко
нец испорченный человек, то чего еще держать в комсо
моле? Вот чудаки-то! В Анисимовке комитетчики хоть
и не совсем путевой народец, но с ним поступили более
резонно.

В сознании Тольки струились самые противоречивые мысли. Решение бюро райкома сбило его с толку.

— Толя, идем с нами, — предложила Наташа.

— Куда? — Толька вяло улыбнулся.

Улыбка у него получилась какая-то неясная. Улыбались только губы, некрупные и жесткие, и то как-то нехотя. Глаза же оставались по-прежнему настороженными, холодными, слегка прищуренными, как будто они боялись выдать что-то потаенное, спрятанное очень глубоко.

— Фундамент для потомков закладывать.

— Не понимаю, — Толька навалился грудью на лопату, а чтобы не давил черенок, подложил ладони.

— Силосную яму рыть, — не выдержал кто-то.

— А-а, — равнодушно протянул Толька и выпрямился. — Справитесь без меня, вон вас сколько.

— А ты почему не хочешь? — сдвинув сурово тоненькие бровки, проговорил Климушкин, расстроенный коварством Наташи. — Воскресник, значит для всех.

Толька ничего не ответил, повернулся задом и стал продолжать свою работу. Эта выходка его возмутила всех.

— Он и говорить не хочет!

— Всю совесть до копейки пропил.

Упреки и ругательства сыпались густо.

Вера стояла сбоку и, отвернувшись от всех, внимательно рассматривала что-то в конце улицы, хотя там примечательного ничего не было. Губы ее нервно вздрагивали, от учащенного дыхания раздувались ноздри.

— Да чего с ним время терять? Пойдем ребята. Обойдемся и без него, — предложил кто-то.

Все пошли. Толька оторвался от работы.

— Аркашка, и ты с ними?

Аркашка живо оглянулся и неловко потоптался на месте, потом, растерянно и виновато улыбнувшись, развел руками: видишь, мол, не могу иначе.

III

А вечером Толька бежал из клуба. Он бежал, чувствуя за собой погоню. Он слышал, как стучит сзади множество каблуков, и ему казалось, что его вот-вот догонят. Толька прибавил скорость и, чтобы скрыть сле-

ды, юркнул в калитку одного дома, где под окном был разбит небольшой палисадничек. Тяжело отдуваясь, он вытер со лба пот и тут только понял, что не топот ног слышал он сзади себя, а стук собственного сердца.

А произошло вот что.

Как и всегда, он пришел в клуб уверенный и независимый. Поискав глазами место, куда бы сесть, и не найдя его, он совершенно спокойно, тоном, не допускающим возражений, предложил одной девушке освободить стул.

— Пусти-ка ты, тетка. Ишь расселась.

И довольный сел.

К нему сразу же подошел Борис.

— Пойдем на улицу, потолкуем, — предложил Борис

— Зачем? — удивился Толька. — Говори здесь, если хочешь.

— Я говорю — пойдем.

Вскоре к Борису подошли Климушкин, Коробицын и еще двое ребят.

Толька оказался у них в середине сидящим на стуле. Он по-прежнему старался держаться спокойно, хотя в глубине души почувствовал что-то новое, необычное и недоброе.

— Ну, пойдем, — наконец, поддался он настойчивым требованиям ребят.

На улице пятерка во главе с Борисом продолжала держать его в центре.

— Ты мерзавец, в худшем значении слова, — процедил сквозь зубы Борис. — Эта девушка, что ты согнал со стула, выкидала сегодня из ямы три кубометра земли.

— Подумаешь, — начал было Толька с прежней ноткой пренебрежения.

— Чего — подумаешь? — не дали ему договорить остальные и еще плотнее сжали его в кругу.

Тот закрутился, как затравленный зверек, попавший в хитрую ловушку, и со страхом подумал, что эти пятеро его сейчас изобьют до смерти.

Не находя больше слов от негодования, Борис решил осветить электрическим фонариком лицо Тольки, чтобы разговаривая, отчетливее видеть его выражение, и опустил за фонариком руку в карман. В это же время Климушкин тоже полез в карман за портсигаром, чтобы

достать папиросу. Щелкнул выключатель фонарика в руках у Бориса и сноп лучей ударил в глаза Тольке, блеснул в руках Валентина металлический портсигар. Толька, ослепленный фонариком, не разобрал, что такое в руках Климушкина. Ему показалось, что тот достал финку, и он, прорвавши окружение, бросился бежать.

...Толька отышался и, убедившись, что погони нет, закурил. Мысли в голове обрывались, переносились с одного на другое, и он никак не мог сосредоточиться. Он понял только одно, что с этого вечера он уже не сможет быть прежним. Он бежал, как самый презренный трус, столкнувшись с первой опасностью. Внутренне Толька никак не хотел согласиться с этим и пробовал оправдать себя тем, что любой на его месте убежал бы. Ведь их было пятеро. А что он мог сделать один против пятерых?

Толька встал и, шурша ветками, вышел на тропинку. Около калитки выросла фигура, и в первую секунду он вздрогнул, думая, что его все еще продолжают ловить. Девичья фигура стояла к нему спиной, тщательно закрывая калитку. И тут он увидел, что это дом, где живет Вера, и очевидно она возвращается из клуба домой. Решив пропустить мимо себя учительницу, Толька быстро шагнул к калитке. Но Вера, увидев его, не пошла от калитки, а прислонилась к ней спиной, скрестив на груди руки. Как будто она за этим и шла, чтобы поймать его здесь. Она в упор посмотрела на него, и в этом взгляде чувствовалась и осуждение, и немой упрек, и со-страдание.

— Пусти-ка! — Толька взялся рукой за щеколду.

— Не пущу..

В голосе Веры послышалась настойчивая нотка.

«Что такое?» — удивился Толька и тут же с тревогой подумал, что это может быть ловушка, ведь учительница член комитета.

И он с силой стал оттягивать калитку.

— Не надо, — Вера положила свою руку на Толькино плечо. — Пойдем к беседке.

— Зачем?

— Нужно, — голос у Веры дрогнул, и в нем сейчас чувствовалась мольба.

Вера все видела. Видела из окна клуба и то, что произошло на улице, и чувствуя, что ее нервы натянуты до

предела, решила уйти домой с твердым намерением поговорить завтра же с Толькой.

Она почему-то не удивилась, увидев его во дворе своего дома. Как будто он тут и должен быть.

Вера решительно взяла Тольку за руку и первая шагнула от калитки. Тот бессознательно пошел за ней, поняв только одно, что никакой ловушки нет, что предстоит что-то другое, а что — он никак не мог себе представить.

IV

Пошептались о чем-то листья в сиреневых кустах, кивнула согласная с ними ветка молодой рябины, а потом разом, словно договорившись, зашуршили, зашептали кусты, ведя непонятный таинственный разговор с кудрявой истройной рябиной.

Толька с удивлением посматривал на сосредоточенное лицо Веры, отчетливо белевшее в прозрачных сумерках июньского вечера.

Вера несколько раз пыталась что-то сказать, но тут же плотно сжимала губы, не выпуская готовые вырваться слова. Потом она резко вскинула голову, стряхнула руками какие-то невидимые соринки с платья, по-мужски положила ногу на ногу и, поставив локоть на колено, оперлась щекой на растопыренную ладонь.

Она смотрела на Тольку пристальным, немигающим взглядом.

— Ну, почему ты такой?

Толька, немного успокоившись от недавнего потрясения, вновь обрел равнодушно-презрительное состояние.

— Какой? — спросил он, чуть заметно улыбнувшись. Но тут же подумал, что Вера будет говорить о его сегодняшнем побеге и назовет его трусом. Он отодвинулся на край скамейки и нахмурился.

А Вера вдруг заговорила быстрым, срывающимся полушепотом:

— Зачем ты губишь себя? Почему с ребятами ужиться не можешь? Они ничего тебе плохого не делают, а даже наоборот... Все хочешь превосходство свое показать? Так ведь не получается, сам видишь.

— О каком превосходстве ты говоришь?

— Знаешь сам, зачем спрашиваешь?.. Всю деревню против себя поставил. А ведь все могло быть по-другому. Зачем ты сердце свое от людей прячешь?..

— Ты сердце мое не трогай! Понятно? — прервал Веру Толька. — Не трогай!

Он резко повернулся к ней, но, встретив настойчивый, несдающийся взгляд, притих, опустил голову.

— Что же мне делать? Жизнь она, брат, такая штука — кому полную улыбку дарит, а кому горькие гри-масы... На мою долю выпали только они одни.

— Неужели больше ничего?

— Ничего.

— А ты не пробовал улыбку-то заслужить?

— Пробовал.

Толька вспомнил, как все шло хорошо, когда он приехал на шахту. Пожалуй, он соврал, что жизнь ему никогда не улыбалась. Разве мог он тогда обижаться на нее? Нет, не мог. А потом что произошло? И всякий раз, когда подобные рассуждения доходили до этого вопроса, мысли у него путались.

Конечно, основную вину за свои неудачи он клал на комитетчиков, но к этому настойчиво пробивалось неясное ощущение и своей вины. А в чем она заключалась, Толька так и не мог, а скорее не хотел разобраться. Он уяснил только одно: жизнь несправедлива с ним.

Из-под высокого лба на Тольку смотрели широко раскрытые, ждущие глаза. Они неотрывно следили за каждым движением его руки, вливались в лицо, взволнованно поблескивая при этом.

— Неправда, что жизнь тебя обидела, — проговорила Вера.

Больше у нее не нашлось слов. Ведь только сейчас она знала их, идя из клуба. Совсем недавно ей все казалось простым и ясным, весь этот разговор. Но теперь он оказался невозможным.

А Толька ждал. Ему хотелось высказаться, но для этого ему нужны были вопросы. Неожиданная перемена Веры, ее расслабленный вид вызвали в нем досаду. Ему было жалко расставаться с тем хорошим чувством, располагающим к доверительному, откровенному разговору, которое неожиданно затеплилось в нем.

— А какое вам дело до меня, барышня? — ехидно спросил он.

Опять заговорил этот непонятный Толька! Долго ли это будет продолжаться? Неужели она так и не выскажет ему никогда всего, что накипело на душе?

«Что ты делаешь, Толя! Почему ты злой такой? Ведь я люблю тебя, слышишь?..»

Не желая того, Вера последние слова произнесла вслух. Она испуганно схватилась за виски.

Плеснулся подол голубого платья и исчез за кустом, отчетливо и торопливо простучали на крыльце каблуки ее туфель, скрипнула дверь в глубине крыльца, и стало тихо. Так тихо, что Тольке казалось, что он слышит, как шуршат в стремительном круговороте мысли, поднятые столь неожиданным признанием Веры.

V

Борис и его товарищи были очень удивлены побегом Тольки. Коробицын вытер со лба пот (он всегда потел, когда волновался) и протянул:

— Ну и ти-ип! Чего же он испугался?

— А как бы ты, Витя, поступил на его месте? — проговорил с улыбкой Борис, пряча в карман фонарик.

— Я?

— Да, ты.

— Причем тут я? — Виктор недоуменно пожал плечами.

— Ну, ладно. Убежал, и черт с ним. Пойдем в клуб, — предложил Климушкин. Он решил сегодня начистоту поговорить с Наташей, потому что она все время, пока они были на сибирской яме, явно любезничала с Виктором, отчего и чувствовал сейчас Валентин к нему неприязнь.

Зрительный зал был уже полон, и суетливый киномеханик Яшка делал последние приготовления, копошась у динамика в переднем углу возле экрана. Зал гудел, как пчелиный рой. В разных углах сами по себе завелись разговоры.

— Сегодня председатель кур гонял с огородов, вот забавно было смотреть! — слышался чей-то говорок у стены. — Новый сорт капусты, слыши, посажен, и его председатель бережет пуще глаза, каждый день ходит, любуется. Пришел сегодня, а там кур облако. Схватил длинную жердь и ну с ней за курами гоняться. Взлох-

матился весь, а глаза страшные, что у тигра. «Я, говорит, покажу вам, вражинам, как капустой лакомиться!» А разве куры едят капусту? Вот чудак. Известное дело, после дождя и червь выползает и мошкара всякая. Вот они за этим и пришли. Посмеялся я.

— Чем бы смеяться, взял да помог человеку.

— А чего помогать-то?

— Не протягивай ручиши-то куда не следует, — послышался голос Анюты где-то совсем рядом.

Борис оглянулся: Анюта что есть силы колотила по рукам парня, очевидно, допустившего вольность.

— Товарищ секретарь! — Анюта увидела, что Борис следит за ними. — Призовите к порядку этого элемента.

— А что он сделал?

— Брошку хотел отнять. Я сижу тихо-смирно, кино ожидаю, а он разные некультурные глупости вытворяет.

Борис рассмеялся и, перемигнувшись с парнем, ответил:

— Не могу дать указаний.

— А я думала, можешь. Какой же ты секретарь тогда? — с разочарованием проговорила Анюта.

— А брошка-то у тебя красивая, — с улыбкой проговорил Борис. — Мне тоже потрогать ее хочется.

Борис повернулся всем телом к Анюте: «Покажи!»

— Чего пристал? Тоже мне...

Борис нисколько не обиделся на резкость. После того, как он узнал ближе Анюту, его потянуло к ней. Потянуло настойчиво и властно. Не отдавая себе отчета, не стараясь разобраться в своих чувствах, Борис искал встреч с Анютой, ему хотелось быть рядом с ней.

В зале потух свет, началось кино.

После кино Борис дождался у выхода Анюту и, прислонувшись к ее локти, предложил:

— Я тебя провожу немного, можно?

Анюта резко отдернула локоть.

— Чего-о? — в полный голос спросила она.

— Не кричи, — сдавленно прошептал Борис и, оттеснив ее немножко в сторону, с едва заметным оттенком досады, проговорил:

— Экая ты шумливая. Чего кричать тут?

— А ты не приставай.

Анюта гордо тряхнула кудряшками и прошла перед Борисом, обдав его запахом духов.

— Незачем тебе меня провожать, — вызывающе бросила через плечо Анюта, отойдя от Бориса несколько шагов.

Такое явное пренебрежение обескуражило Бориса, и ему захотелось ответить чем-нибудь колким и не менее обидным.

— Только ждешь? Нету его, не ищи. Убежал он.

— Как убежал?

— Да так, струсил.

— Этого не может быть. Не такой он... — не поверила Арюта, но тут же вспомнила, что Тольки действительно не было весь вечер. Как вышел он с Борисом и другими ребятами, так и не возвращался больше в клуб. Арюта догадалась, что с Толькой что-то произошло и что в этом виноват Борис.

Еще раз злобно посмотрев на Бориса, Арюта скрылась за углом клуба, ничего больше не сказав.

Борис постоял с минуту и тоже пошел. Домой идти не хотелось, и он молча плелся за людьми, шумными группами растекавшимися по улицам. «И зачем я упомянул про Тольку? — досадовал на себя Борис. — Она будет думать, что я нарочно ругаю его, чтобы вызвать ее расположение к себе. Фу, как глупо...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Любовь! Ты самое чистое и высокое чувство. Узнав тебя, человек расправляется плечи, гордо поднимает голову, чувствуя, как пробуждаются дремавшие до этого неведомые силы. И жизнь становится вдесятеро прекраснее.

Разная ты бываешь, любовь. Когда ты только сама в себе, не требуешь, чтобы все остальные чувства в человеке подтягивались вровень с тобой, тогда ты ничего не даешь, кроме временного, хотя и чудесного наслаждения. Не сожалеет по тебе человек, когда ты покидаешь его.

Но, когда пламя твое, чистое и страстное, не уместившись в одной груди, властно вторгается в другую и выжигает там все ненужные накипи, оставляя только

то, что под стать тебе, прекраснейшее из всех земных деяний, тогда нет тебе ничего равного на земле по твоей силе...

...В соревнованиях Толька не участвовал, ни за чью команду не болел, а вот не мог усидеть дома — вслед за другими тоже приплелся на стадион. Что-то тянуло его туда, где слышался громкий задорный смех, подбадривающие выкрики болельщиков, где разгорался жаркий спортивный азарт.

После того памятного вечера, когда два события, одно за другим, ошеломляюще ударили по его и без того запутанному сознанию, Толька многое передумал. Он не расстался со своими убеждениями, и вывезенная с Урала горечь по-прежнему жгла его сердце. Но зародилось новое чувство — стыд.

Ему стыдно было Бориса и тех ребят, которые вывели его из клуба и от которых он бежал. Как подобает мужчине, он должен был пойти к ним и доказать, что он не трус. Но проходили дни за днями, а он не шел брать реванш. Чего уж там. Раз убежал, попробуй теперь докажи.

Но хуже всего было то, что он боялся встречи с Верой.

Придя домой после того, когда Вера оставила его в беседке одного, Толька неожиданно для себя самодовольно улыбнулся. «Нравлюсь, значит. Втрескалась учительница по уши».

Поразмыслив хорошенъко, Толька окончательно пришел к убеждению, что любовь у Веры действительно велика, раз она сама сказала о ней. Ведь обычно ребята первые говорят о таких вещах. «Ну и пусть. Мало ли я кому могу понравиться. Как-то ты теперь посмотришь мне в глаза. Небось, стыдно будет».

Но все получилось по-иному.

На другой день, увидев, что Вера идет по улице и скоро будет проходить мимо дома, Толька распахнул окно и сел, поджиная ее. Ему хотелось увидеть ее смущение, ее стыдливо опущенные глаза.

Но Вера прошла, как всегда, гордая. Ни капли смущения Толька не увидел на ее лице. Взгляд ее, властный, уверенный и, вместе с тем, такой дружеский, участливый, смял Толькино самообладание, а ее голос, каким она произнесла «здравствуй, Толя», был такой

человечный, неподдельный, и вся она была такая чистая и свежая, что Толька покраснел до корней волос. Он покраснел, как уличенный в воровстве.

Вера прошла дальше, унесла свою приветливую улыбку, а Толька как будто прирос к подоконнику, неотрывно смотрел ей вслед.

— Черт побери!

Во взгляде Веры, в ее уверенной и легкой походке, Толька увидел что-то новое, очень далекое от того, что так прочно устоялось в его сознании, и впервые он почувствовал себя маленьким, ничтожным по сравнению с тем, что несет с собой Вера.

Он боялся сейчас встречи с ней. Боялся, как бы Вера не узнала его мыслей, его гаденького намерения поиграть любовью.

Толька чувствовал превосходство Веры, и это было новое чувство, впервые пережитое в Анисимовке.

— Увижу — скажу ей, чтобы бросила любить меня. Она славная девушка, найдет парня по себе. Надо же и мне хоть раз поступить честно, — думал Толька, подходя к стадиону.

На стадионе было шумно. Соревнования еще не начались, но скамейки уже все были заполнены зрителями. Пробовали свои силы бегуны и прыгуны, волейболисты навешивали сетку.

На самом центральном месте сидел Семен Игнатьевич Крутогоров. По слухам такого дня на нем новая сатиновая рубашка и сам он какой-то необыкновенно праздничный. Он снисходительно посматривал на тренирующихся. «Бегайте у меня, чтоб шибче. Полдня на это я вам даю, а больше нельзя. Завтра сенокос начинаем», — всем своим начальственным видом говорил он.

Толька, стараясь быть незаметным, сел на скамейке у входа.

II

Соревнования начались. Был дан старт эстафете.

Коноплев заметил, что в соревнованиях участвует вся анисимовская молодежь, а среди них, тоже одетый в трусы и майку, неторопливо похаживал Кузьма Афанасьевич Филатов. Он — левая защита Борисовой футбольной команды. Бегает он уже плохо (шутка ли —

человеку за пятьдесят перевалило), но бьет поразительно метко.

Толька равнодушно посматривал на всю эту суэтню — ему лишь бы убить время, тянувшееся в одиночестве. Раза два за эти дни приходил к нему Аркашка, но оба раза Толька выпроваживал его обратно. «Слюнтяй! Подмазываешься к ним, на воскресники ходишь, а теперь ко мне. Видеть тебя не хочу!». Нет, что ни говори, а в Анисимовке нет порядочного парня.

Аркашка уходил, тяжело ступая по ступенькам крыльца, сгорбленный, нахмуренный.

Толька привык к одиночеству, но эта привычка все-таки тяготила его.

Иногда хотелось пойти к ребятам. Запросто так: в городки поиграть, в речке искупаться. А как? Может, пойти сейчас к ним? Ведь когда-то Толька боксом занимался. Перчатки есть у них. Но как? Борька Каштанов будет ехидно посмеиваться. «Пришел, груздь. То-то!»

Коноплев, боясь сознаться в этом, завидовал Борису. Ребята к нему льнули, как мухи к меду. С чего бы, кажется? Раньше, до приезда Бориса в Анисимовку, Толька был окружен ореолом славы, и хотя он не допускал ребят и близко до себя, все-таки они ему были нужны, для ощущения превосходства над ними. А теперь все пошло по-иному. В Анисимовке верх взял Борис, а Толька забыт.

Он вспоминал первую стычку с Борисом в клубе. Тогда он был один, нынче их уже было пятеро, а кто знает, что будет завтра?..

Стадион в Анисимовке небольшой и скамеек вокруг поля всего два ряда. Зрители, сидящие в первом ряду, опасливо поджимали ноги, как бы какой-нибудь бегун не споткнулся. Можно рассмотреть выражение лица спортсмена, улыбнуться ему.

Последними на стометровку вышли Валентин Климушкин и Виктор Коробицын. Все были уверены, что легкий на ногу Климушкин в два счета обставит неповоротливого Виктора. Но Виктор отстал от него всего на три десятых секунды. Может, его подбодрил перед стартом кивок Наташи, стоявшей с секундомером?

Вышли прыгуны. Среди них Вера. Толька почему-то поспешил спрятаться за спины.

Вера прыгнула первой. Она легко взяла полутора-метровую высоту. Отойдя немного в сторону, чтобы дать место следующей девушке, Вера горделиво оглянулась, и взгляд ее встретился с Толькиным. Он еще ниже наклонился, а когда поднял голову, то Вера уже стояла с ребятами чуть в стороне от прежнего места. Борис ей что-то рассказывал, и, очевидно, ей было очень интересно слушать его, потому что она то и дело, запрокинув голову, хохотала. Потом Борис и Климушкин подхватили ее под руки и повели на конец стадиона.

Толька поднялся из-за спин. Что-то очень похожее на ревность почувствовал он, глядя на ее подвижную, аккуратную фигуру в зеленых шароварах и красной майке, беззаботно и легко вышагивающую между Борисом и Валентином.

Но почему ревность? Не все ли равно ему, что будет делать Вера? В самом деле — все равно. Толька с досады плюнул.

— Чего плюешься? — спросил дед Макар, сидевший неподалеку от него. — Ошкомелок осиновый...

Толька не удостоил взглядом деда Макара, и все свое внимание перенес к канату, где девушки выстраивались в шеренгу. Перед строем ходил важный Климушкин и что-то объяснял. Началось лазание. Вера поднималась по канату с вытянутыми под прямым углом ногами. Это упражнение было трудное. Все любовались ее быстрыми, уверенными движениями. Дед Макар восхищенно причмокивал языком:

— Кробатка, чисто кробатка.

Но когда она спускалась вниз и когда уже до земли остался один метр, ноги у Веры разогнулись и она неловко спрыгнула на землю...

Толька впихнул в рот два пальца и пронзительно засвистел. На него зашикали.

Вера резко повернула голову в сторону Тольки. Он нагнулся.

III

Вечером анисимовцы гуляли за деревней, где была небольшая лужайка, окруженная старыми ветвистыми черемухами.

Расталкивая всех, Толька бегал по лужайке и выкрикивал:

— Где Каштанов? Дайте мне его сюда!

Язык у него заплетался. Он изрядно выпил.

— Кому я потребовался? — где-то совсем рядом отозвался Борис.

Толька на минуту остановился и потом, сориентировавшись, шагнул к Борису.

— Ты здесь, комсорг? Рад тебя видеть!

Дико сверкнув зрачками, он рванул на груди у себя рубашку.

— Бей! На, бей! Я убежал тогда от вас. Так вот сейчас я сам пришел. Ну, чего смотришь? Чего не бьешь, я тебя спрашиваю?

Борис, с чуть заметной усмешкой на губах, кивнул Валентину, стоявшему рядом:

— Видел? Вот она когда храбрость-то появилась.

— Смеешься?

— Смеюсь, брат. Ничего не поделаешь, сам рассмешил.

Толька продолжал наступать.

— Будешь бить или нет?

Борис сделал серьезное лицо и, оглянувшись на ребят, проговорил, делая короткие паузы между словами:

— Действительно, следовало бы уважить твою настойчивую просьбу. Ты заслужил того, чего просишь, но я боюсь, что ты опять убежишь и мы все останемся без такого веселого парня, как ты.

Захохотали ребята, их несмело поддержали девушки, а когда хот стал притихать, прозвучал сердебольный голос Аньюты:

— Тоже... издеваются над человеком.

Толька скрипнул зубами и, не зная, что дальше предпринять, беспомощно оглянулся. Он казался совершенно одиноким перед Борисом, хотя и был окружен ребятами.

— Слушай, парень, — уже дружески и без иронии сказал Борис. — Отойди-ка лучше. Вечер-то, видишь, какой? Ну вот, пока мы спорим, он и пройдет. Витя, сыграй нам что-нибудь позаковыристей.

Круг моментально расступился, Виктор грохнул «Цыганочку».

Борис молодцевато прошелся по кругу и вдруг остановился перед Толькой, ладно и в такт прихлопывая ладонями.

— Кончай воду мутить! Пойдем плясать!

Предложение всем понравилось, все захлопали в ладоши, прося Тольку выйти на круг.

Тольку выталкивали, а он, работая локтями, старался скорей выбраться из окружения.

Валентин, ухватив его за руку, старался заглянуть ему в лицо.

— Толя, спляши! Елка-зелена.

Толька настойчиво вырывался.

— Не хочешь? А то бы сплясали, — сожалеющее проговорил Борис.

Освободившись наконец от цепких рук, Толька встал сзади всех и трясущимися руками достал папиросу. Он шел обругать Бориса, свести счеты с ним, а сам остался в дураках. Где же, где эти тихони, эти сухонькие комсомольские начальнички, когда тут самые обыкновенные ребята?

Кто-то тронул Тольку за рукав.

— Толь, ежели что — я помогу...

Он не сразу повернул голову.

— Чего тебе?

Перед ним стоял Аркашка с заговорщицкой миной на лице.

— Говорю, можешь на меня положиться, ежели что...

Аркашка решил, что настал подходящий момент вновь вызвать к себе Толькино доверие.

— Ты о чем? — Толька никак не мог понять, о чем говорит Аркашка.

— Проучить их надо, — Аркашка едва заметным кивком указал на круг и скжал свой огромный кулак.

Наконец Толька понял, в чем дело. Судорожно глотнув слюну, он зачем-то крутнулся на месте вправо и влево, а затем, приблизив искаженное злобой лицо к Аркашке, прошипел:

— Уходи с глаз! Понял?

Аркашка отступил, но видя, что злое Толькино лицо приближается, круто повернулся и скрылся за спинами ребят.

«Сдурел совсем парень», — решил он.

В кругу отплясывала «русского» Вера.

По-мальчишески задорно поднята ее голова, и вся она ловкая, ладная, была легка, стройна и необычайно красива. Озорно плескался подол ее цветастого платья, и

казалось, что это с него рассыпались васильки и ромашки, весело пестревшие в кругу под ногами.

Не находя больше сил оставаться здесь, с чувством полного опустошения Толька шатко поплелся к деревне.

IV

У калитки Толькиного дома есть скамейка. Толька, подержав в руках кольцо, раздумал идти домой и устало сел на нее.

По темному полуночному небу тихонько плывут серенькие тучки. Плывут они ровно, не спеша, как бы прогуливаясь над притихшей в ночную пору Анисимовкой, с тем, чтобы к утру уйти за лес, очистить дорогу солнцу.

Серей и пасмурней этих тучек ходили мысли в голове у Тольки.

Потускнела, притихла старая береза, окутанная темно-серой пеленой ночи, ждет не дождется радостного утра. Пробежит утром по верхушке березы игривый, золотистый лучик солнца и вздохнет она, старая, свободно, облегченно поведет ветвями.

Хмурятся Толькины брови, в печальной суровости сведены они к переносью. Залегла глубокая морщина между бровей. Разгладится ли она, когда солнце пробудит жизнь, когда зазолотится, заиграет утро?

Чья-то ласковая, осторожная рука легла ему на плечо.

— Почему ты ушел от Черемушек?

Толька вздрогнул, быстро повернулся — знакомый голос обжег сердце.

— Ушел... — сдавленно проговорил он. — Видишь, ушел.

— Вижу. Так почему?

Вера участливо взглянула Тольке в лицо.

«Зачем она спрашивает?» Он чувствовал, что не может сейчас говорить об этом, что рассказ его о сегодняшних переживаниях выльется в жалобу на свою жизнь. А он не хотел этого. Не хотел, чтобы его кто-то видел расслабленным, слезливым, чтобы его кто-то утешал. Толька мягко, но настойчиво снял руку Веры с плеча.

Но Вера, очевидно, и не собиралась утешать его.

— Ну, что ж, посиди, подумай. Может что-нибудь и придумаешь, — сказала она и не спеша пошла к дому.

Тольку взбесил сейчас этот тон. Издевается она, ясное дело. Давеча с Валькой любезничала, а сейчас сюда еще пришла. Кто ее просил?

— Идите вы к черту, барышня, — крикнул он вслед. Вера оглянулась.

— Неженка ты. В тебе мужского росиной капли нет. Дали тебе отпор ребята, а ты и раскис, как войлочный туфель в луже. Капризничашь, как ребенок. Эх, ты... А на стадионе сегодня: свистнул и спрятался.

Толька вскочил.

— Ты!.. Ты молчи, туфля!

Он был так взбешен, что не находил больше слов. Он потоптался на месте, затем сел и снова вскочил.

— Во-во. Головой постучи о забор, может легче будет. До свидания.

Вера быстро зашагала к дому... Вдогонку ей летела брань...

Толька рванул кольцо калитки, взбежал на крыльцо своего дома, но в сени не пошел, снова выбежал на улицу.

Вера душу Толькину вывернула наизнанку и показала ему самому — смотри, какой ты. То, о чем он сейчас думал, все еще боясь сознаться, высказала она.

Так чего же ты, парень, кипятишься, ежели тебе всю правду сказали? Ведь все в деревне так думают, только сказала тебе об этом Вера, и вовсе не со зла, а из любви к тебе. Она умная, хорошая девушка. Зачем ты ее обругал? Вспомни Лельку. Она бы пришла к тебе, пожалела, поплакала и сказала: «Толя, ты их всех лучше, никто тебя не понимает, только я одна...» Разве тебе от этого было бы легче, ежели ты сам уже не думаешь так? Да ты бы ее прогнал от себя, не это тебе нужно сейчас. А то, что как раз тебе и нужно, прямой, по-дружески справедливый разговор, ты не захотел принять, ты испугался его. Ну, не трус ли ты, не негодный ли ты парень?

Толька долго стоял, прислонившись плечом к забору. Потом, с трудом отделившись от него, он, медленно и тяжело ступая, пошел по тропинке вдоль изгороди.

Толька знал, что Агафья, хозяйка Веры, спит в избе, а Вера на сеновале.

Он осторожно перелез через изгородь и, шелестя картофельной ботвой, прошел на задворки и встал напротив двустворчатой двери, в которую подавали сено.

В хлеве тяжело отдувалась корова, пережевывая жвачку. То и дело слышались мягкие удары: это она хвостом била по бокам, сгоняя докучливых комаров. На насесте негромко закудахтали куры, очевидно разбуженные Толькой. Он затаил дыхание. Но кур успокоил петух длинным и хриплым спросонья «Кы-и-и». Дескать, все в порядке, зачем этот шум?

— Вера, — несмело позвал Толька.

Зашуршало сено, затем послышались легкие шаги, тоненько пискнула дверь.

— Ты? — Толька едва различил высунувшееся в растворе лицо Веры.

В этом «ты» вместе с крайним удивлением он не мог не услышать и радостной нотки.

— Пришел сказать... сказать, — Толька не находил сил поднять взгляд на двери. — Извини меня, Вера!

И не дожидаясь ответа, Толька юркнул за угол. Торопливо пробежав вдоль двора, он налетел на колоду возле колодца и, растирая на ходу ушибленное колено, вышел через калитку на улицу.

На стук калитки оглянулись Наташа, Валентин и Анюта, возвращавшиеся от Черемушек домой.

Толька в нерешительности остановился. «А ведь могут нехорошо подумать про Веру...»

— Заблудился, парень? Твой-то дом следующий. Вот он! — Наташа показала рукой на Толькин дом.

— Напиться ходил к колодцу. Из нашего кошку дохлую вчера вытащили.

Екнуло сердце у Анюты. Не к учительнице ли он ходил? Что-то не слыхать было про кошку.

V

В эту ночь три человека под разными крышами лежали с открытыми глазами, каждый думая о своем.

Вера со счастливой улыбкой повторяла три Толькиных слова: «Извини меня, Вера». Ну, разве это не чудесные слова?

Вера поняла, что не только за ругань пришел извиняться Толька. Да и кричал-то он не на нее, а скорее сам на себя, от боли он кричал.

... Когда женщина тяжело рожает, ей советуют кричать. Заглушаются криком родовые муки. И слабоволь-

ным это помогает. Когда ребенка обидают, он в слезах находит утешение. Чем же иным, как не площадной бранью Толька мог излить свое горе, эти тяжелые муки нового рождения? Что еще можно было ждать от него?..

Вера знала, что Толька придет, но не ожидала, что так скоро. Как она сейчас была счастлива! А разве успеешь, когда выстраданное счастье приходит к тебе? Попробуй тут уснуть.

От Вериной крыши до Толькиной тридцать метров.

Сверля темноту зрачками, ворочался Толька. Ощущение чего-то нового, большого, хорошего томило его. Оно отдавало мучительно приятной дрожью во всем теле. Побежден он или не побежден? Толька не думал об этом.

Закрывши глаза, он силился вызвать образ Веры. Как ему хотелось сейчас всмотреться в каждую черточку ее лица. Умная, справедливая... милая Вера. О, если бы какое несчастье случилось с Верой! Тонула бы она в реке. Какое это было бы счастье спасти ее! А если бы кто обругал ее, унизили, оскорбил? Толька втотпал бы обидчика в землю. Постой, а кто защитил ее от твоих оскорблений, которые ты нанес ей час назад? Чего ты распинаешься сейчас в своей преданности? Пройдет ночь, настанет день, и опять для тебя не будет ничего святого?..

Ну, а чего же ты не спиши, Анюта? Что терзает тебя, беспокойная девочка? Почему же сердечко в груди у тебя так трепетно стучит? Тук-тук, тук-тук. Ты страдаешь от невысказанной любви? А не ошиблась ли ты? Любимый твой не такой, каким ты видела его. А за что ты полюбила его, то у него было ненастоящее, наносное. Настоящий Толька будет скоро, может завтра. Будет ли он нравиться тебе, новый Толька?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Семен Игнатьевич Крутогоров, обтирая тыльной стороной фуражки потный лоб, почтительно ходил около Виктора Коробицына, приехавшего на Нижний луг с сенокосилкой.

— Луга у нас ровные, гладкие, что-те карта. Сам знаешь, можешь выработку дать.

Виктор, однозначно отвечая на замечания председателя, делал последние приготовления у сенокосилки. «Чего говорить, вижу», — было написано у него на лице.

Семен Игнатьевич — человек немногословный, но сегодня, в первый день сенокоса, он испытывал щемящее внутреннее беспокойство и чувствовал потребность поговорить с каждым, кто вышел на луга, или, как он иногда говорил, прощупать настроение.

Впрочем, для этого и не нужен был длинный разговор, и Семен Игнатьевич получал удовлетворение от одного взгляда человека, от одного выражения лица. Такое удовлетворение он получил, видя старание Виктора: движения парня были уверены, рассчитаны, лоб суроно наморщен, гаечный ключ у него в руках ловок и послужен.

Семен Игнатьевич окинул любующимся взглядом огромный, пестрый луг, с затаенным дыханием, как к стуку собственного сердца, прислушался к ровному стрекоту конных косилок, полной грудью вдохнул пряный воздух, неподвижно застывший над лугом, и улыбнулся. Чему он улыбнулся? Не знал этого Семен Игнатьевич. Может быть, переливчатая песня жаворонка вдруг так молodo отзывалась в его огрубевшем от времени и постоянных будничных забот сердце?

Возможно.

Сняв фуражку, Семен Игнатьевич неторопливо пошел, подставляя лысеющую голову лучам солнца.

День начался организованно, а это очень много значило.

Да и только ли день? Целая пора началась. Пора непродолжительная, но сгущенная до предела. С первого до последнего дня не ослабевает напряжение, не успокаиваются нервы.

«У коровы молоко на языке». А нынче еще стали добавлять: «...у доярки в руках, у председателя в голове».

II

Сквозь сон Толька слышал ржанье лошадей, громкий говор людей и какой-то необычный гул. А потом разом все смолкло.

От резко наступившей тишины он и проснулся. Пройдя с сеновала в избу, он, как всегда, матери дома не застал. На лавке лежало несколько брусков, которыми оттачивали косы. Глянув на них, Толька догадался, почему так шумно было утром в Анисимовке. Начался сенокос.

Бледно-желтыми квадратами лежало на полу солнце, а за окном, на улице, было по-праздничному ярко и, как в любой летний страдный день, безлюдно и тихо.

Толька распахнул окно, подставив голую грудь освещающей утренней прохладе. Необыкновенная легкость чувствовалась во всем теле. Томительное ощущение чего-то радостного, очень близкого, которого не мог заглушить даже сон, теперь сменилось избытком бодрящих сил, кипевших в каждой жилке.

Пружинисто изгибая тело, Толька сделал несколько гимнастических упражнений, потом выпил стакан молока и вышел на улицу.

Верин дом был так же тих, как все другие, и сколько он ни всматривался, так и не увидел никакого движения ни в окнах, ни в прорубе распахнутых в сени дверей.

«Двери открыты, значит Вера дома», — подумал Толька.

От вчерашнего разговора с ней осталось прочно осевшее чувство радости и обновления. Только было сейчас легко, как будто он долго-долго нес тяжелую неприятную ношу и сейчас освободился от нее. Только вчера он по-настоящему увидел Верину любовь. Она была в грубоватых, по-дружески прямых словах, в ее беспощадном, но таком нежном взгляде, в удивленном и радостном «ты», с каким она встретила Тольку.

«Пойти сейчас к ней?.. Боязно. Нет, стыдно...»

Толька переколол все дрова, тщательно вымели улицу, поправил заплот и все равно не израсходовал сотый доли той энергии, которая кипела в нем.

Он подошел к колодцу, вытащил бадью, потом разделся до пояса и плеснул ледяной воды себе на грудь. Колодцы в Анисимовке глубокие и даже в самую жаркую пору лета вода в них не нагревается.

Прополоскавшись основательно снаружи, Толька решил напустить холода и во внутрь. Он отхлебывал из бадьи воду и, задерживая глоток во рту, закидывал го-

лову. Остановленная выдохом холодная влага булькала в гортани, по капельке опускалась в желудок.

— Сегодня кошечкой не попахивает? — послышалось сзади.

Пропустив очередную порцию воды, Толька оглянулся. У забора стояла Аньютка с косой в руке.

— Да уж все равно, — заискивающе улыбнулся Толька, торопливо соображая, что бы ответить Аньютке. — Мать говорит, что если сорок ведер вычерпать, то ничего поганого в колодце не останется. Вот я и вычерпал сорок ведер, а из сорок первого решил попробовать.

— Ну и как?

— Ничего. Вода вполне нормальная.

Аньютка прислонилась боком к редкому забору и скосила на Тольку прищуренные, сверкающие глаза.

«Ври, ври. Мне все понятно».

— Закрутила мозги учительница? Эх ты! Неужто бы другой не нашлось? — с тоской в голосе проговорила Аньютка и, не дожидаясь Толькиного ответа, пошла дальше все так же медленно и валко.

Толька машинально выпустил бадью из рук, и она юркнула в колодец. «Знает! Да как же она?.. Теперь всей деревне будет известно. Аньютка ведь такая, злоязычная... Постой, а что известно-то? Ведь ничего не было и нет».

Но чем больше убеждал он себя, что ничего нет и не было, тем сильнее не хотелось с этим соглашаться. То есть как нет? Ведь есть что-то, известное им двоим, очень дорогое для них. Но теперь об этом узнают все. «Ну и пусть знают. Разве я боюсь?»

Наскоро одевшись, он вышел за калитку и пошел по безлюдной улице вслед за Аньюткой. Встретится снова Аньютка, он ей скажет: «Да, учительница закрутила мозги, и никакая другая девушка не нравится мне в Анисимовке!»

Из переулка, наперерез Тольке, выехал Борис. Он ехал верхом на лошади, держа повод другой, шедшей сзади без седока.

Толька остановился, чтобы пропустить мимо себя Бориса, но тот не поехал, тоже остановился.

— Может быть, поможешь? — спросил Борис, натягивая поводья.

Толька непонимающе улыбнулся.

— Помочь ехать? Неужто тяжело?

— Да вот эта все взад тянет, — Борис потряс поводьями в правой руке. — Не привыкла она, чтобы ее за губу тянули, упирается. Этак я к вечеру не приеду. Седок ей нужен.

— Куда едешь-то?

— В луг. Сменная пара Виктору в косилку. Парень повышенное обязательство взял, надо помогать. Может проедешься со мной, а? Вдвоем бы быстрей доехали.

Толька изучающе посмотрел на предлагаемого коня. «В самом деле, почему не проехаться?» — подумал он.

— Ну, давай.

Взяв из рук Бориса поводья, он легко прыгнул на спину лошади.

III

Когда выехали за деревню, Борис повернулся лицом к Тольке, ехавшему чуть сзади. Глаза его были сужены каким-то далеким прищуром и смотрели в одну отдаленную точку.

— Хорошо в деревне в сенокосную пору. Ты слышишь, какой аромат луга кругом распустили? — проговорил Борис.

Толька потянул носом воздух.

— Да, действительно... пахнет.

Он старался не смотреть на Бориса.

Острые плечи, выступающие в разрезах красной майки, и тонкая, почерневшая от загара шея Бориса казались Тольке хилыми, почти мальчишескими, и какой-то осмелеевший, внутренний голосок вновь заговорил в нем на прежний лад.

«Как? Ты поддался этому юнцу? До него ты был полным хозяином в Анисимовке, а теперь кто ты есть? Никто. Борька у них хозяин. Он вмешался в твою жизнь. Из-за него ты места не находишь себе. И теперь ты едешь с ним и вместе нюхаешь какие-то запахи? Бабы ты, а не парень. Вера вчера верно говорила... Эх, развернуться бы, по бревешку Анисимовку разнести!..

Неожиданно Борис запел. Он запел о девушке, что с шелковистыми косами, с голубыми глазами, с утра до вечера ходит по полям. Обветрели, потрескались губы, выцвели брови у девушки, но по-прежнему свеж

взгляд ее глаз. Красивее ее нет ничего на свете. Эта девушка сама жизнь. А что может быть прекраснее жизни?

Никогда раньше не слыхал Толька такой песни. По радио ее не поют, и так слышать не приходилось. Очевидно, она сочинена каким-нибудь агрономом, а музыку подобрал деревенский гармонист, и живет она, идущая от земли песня, свободно переносясь из деревни в деревню, не претендую ни на сцену, ни на всенародное признание.

Пропел последний куплет Борис и замолчал, продолжая тихо улыбаться своим потаенным мыслям.

Толька не прерывал молчания и, опустив поводья, предоставил кобыленку самой себе.

Борис попридержал свою лошадь и, когда Толька поклонился с ним, вкрадчиво спросил:

— Толя... Как думаешь, Анюта девушка ничего?

— В каком смысле? — Толька подумал, что Борис интересуется Анютой как секретарь комсомольской организации.

— Ну вот тебе раз. А я думал, ты парень догадливый, — Борис смущенно закусил губу. — В самом настоящем смысле... Полюбилась она мне.

Толька от удивления не мог произнести ни слова.

— Она ведь тебя любит, Анюта-то. Может вы встречаетесь, так ты скажи, третьим я у вас не буду, не хочу.

Толька был ошеломлен. Борис спрашивал у него совета! И таким он показался сейчас ему хорошим, близким. Ему стало просто по-человечески его жаль, и в эту минуту он всей душой желал ему счастья.

— Да-да. Она очень хорошая девушка, боевая такая, — проговорил Толька. — У меня с ней ничего нет, пожалуйста. То есть я хочу сказать, что любить ее можно.

— Можно, говоришь? — тихая улыбка не сходила с губ Бориса. — Разве любовь спрашивает об этом? Чудак ты: любовь — хозяйка. Она сама делает выбор.

— Оно так, конечно, — согласился Толька.

— Только так... Однако мы с тобой черепашьим шагом едем.

Пришпорили лошадей.

На лугу, возле косилки, стояли Семен Игнатьевич и Виктор.

Еще издали Борис заметил, что Семен Игнатьевич чем-то крайне взволнован и в сердцах трясет каким-то листком.

Ребята спрыгнули с коней.

— Вить! Получай подкрепление! — звонко доложил Борис.

Но Виктор был мрачен и без особого энтузиазма принял сообщение.

— Я тебе говорю, что отпустить тебя ни в коем разе не могу. Сам посуди — время какое началось.

Виктор пошел в новое наступление, очевидно почувствовав подкрепление в лице Бориса, и наверное в десятый раз стал вводить Семена Игнатьевича в суть дела.

— Ты только подумай, дядя Семен: честь района буду защищать в области! Рай-о-на! Это что-нибудь значит!

— В чем дело? — спросил Борис и потянул из рук председателя бумажку, догадываясь, что спор из-за нее.

Это была телефонограмма из района с просьбой отпустить второразрядника пловца Коробицына Виктора на двухнедельный сбор в райцентр.

— Ну, что ты скажешь? — полюбопытствовал Семен Игнатьевич, когда Борис прочитал бумажку.

— Надо ехать, — ответил Борис.

— Ехать? В сенокос? Да какой дурак в такую пору соревнования устраивает?

— А когда же им плавать? В январе?

Семена Игнатьевича заметно обескуражил довод Бориса, и он с неприязнью посмотрел на него, но не сдался.

— Да ты понимаешь, что говоришь? Где я найду человека вместо него? А? Может ты найдешь?

— Может и я, — Борис туманно улыбнулся и вдруг положил руку на плечо Тольки.

— Вот! Он заменит. Правда, Толя?

У Тольки язык прилип к небу от такого поворота разговора, но он почему-то не решился возразить Борису, торопливо, с хрипотой в голосе проговорил:

— Да, да. Я заменю его.

И, почувствовав, что получилось это у него не совсем естественно, решил поправиться:

— Я ведь косил когда-то. Думаю — справлюсь.

Семен Игнатьевич неопределенно протянул:

— Ну, ежели так...

IV

Вечером умытый и причесанный Толька сидел у окна. Немножко ныли от усталости руки, перед глазами плыл пестрый ковер луга. «А хорошо все-таки на лугу».

Прозвучала песня в конце деревни, она пронеслась по широкой улице и остановилась где-то за заборами, приглушенная расстоянием. «К Черемушкам все пошли», — подумал Толька. Мать, перемыв крынки, легла спать, счастливая переменой сына. Все эти месяцы она не переставала надеяться, что вот придет день, и снова она увидит его ласковым, умным, заботливым.

Толька ждал, когда Вера выйдет из своего дома, чтобы вместе с ней идти к Черемушкам. Пойти же к ней в дом не решался. Ему хотелось быть рядом с ней, по настояющему извиниться за вчерашнее.

Толька закрыл окно, решив дождаться ее на улице. Как только он вышел на крыльцо, скрипнула калитка у Вериного дома. «Тоже ждала», — мелькнула догадка.

Спрятавшись за столб калитки, он с замиранием сердца прислушивался к ее легким, торопливым шагам. Вот она совсем близко. Толька плотнее прижался спиной к забору и, пропустив мимо себя Вера, тихонько позвал: — Вера!

Та живо оглянулась и остановилась.

— Может, вместе пойдем? — несмело спросил Толька, любуясь стройной фигурой Веры.

— А тебе куда? Разве нам по пути?

— Наверное, по пути, — Толька отделился от забора.

— Ну что ж.

И они пошли. Толька неловко вышагивал сбоку, совершенно не зная, куда девать свои руки. После мучительных поисков он определил им место в карманах.

Вера остановилась. В глазах ее запрыгали искорки смеха, губы едва сдерживали улыбку.

Толька торопливо вытянул руки, но опять не нашел им применения.

— Косил сегодня, — проговорил он, с ненавистью смотря на огромные свои кулаки.

Вера, ухватившись цепкими пальцами за Толькины кулаки, нежно посмотрела ему в глаза.

— Эх ты, неуклюжий. Вот так нужно делать! — Она положила Толькину руку себе за локоть. — Пошли.

— А ты не боишься, что о тебе будут говорить дурно? — осмелев немного, спросил Толька. — Ведь я такой...

— Какой? — живо отозвалась Вера.

— Ну, сама знаешь...

— В том-то и дело, что знаю. Знаю, наверное, больше, чем кто-либо другой в деревне. Если бы не знала...

Вера замолчала.

Мимо сонных окон Анисимовки, мимо притихших тополей Толька шел с гордо поднятой головой, как будто в эту минуту весь мир смотрел на него, смотрел с удивлением и завистью. Он не задумывался над тем, любит ли он эту девушку. Ему было просто хорошо с ней, как бывает хорошо человеку, освободившемуся от тяжелой и надоевшей ноши.

У Черемушек уже все были в сборе.

Веру и Тольку встретили злые, настороженные глаза Анюты. Но это длилось недолго. Заиграли новый вальс, и Анюта, наградив презрительным взглядом Тольку, с готовностью положила руку на плечо Бориса.

Весело поблескивают ее сережки, кокетливо наклонена голова. Анюта вся во власти музыки и пахнущего черемухой вечера. Она никого не замечает, не слышит, что ей говорит Борис, и не чувствует, как ползет по ее щеке просочившаяся сквозь ресницы светлая капелька.

Удивленные взгляды не смущали Веру и Тольку. Им приятно было ощущать их, они вносили в их отношения какое-то смутно уловимое логическое завершение. «Да, так будет теперь каждый вечер. Чего же тут особенного? Право же, ничего нет. Это должно было случиться давно», — хотелось сказать Вере этим парням и девушкам.

Толька крепко прижал локтем Верину руку. Ему хотелось влиться в этот круг, получить равную со всеми долю веселья, но ему было стыдно. Стремление побороть стыд ни к чему не приводило.

Но он беспрекословно подчинился движению Веры, вместе с ней вошел в круг и сразу же весь отдался чистому и могучему чувству молодости, которое ощущил с такой силой, наверное, в первый раз.